

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

63642656

O. PG2933. V984.26. B6

К
40

ИРИНАРХЪ ИВАНОВИЧЪ

В В Е Д Е Н С К І Й

КРАТКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Г. Е. Благосвѣтлова

(Изъ журнала «Общезанимательный Вѣстникъ»)

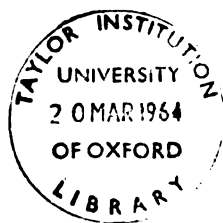
САНКТПЕТЕРБУРГЪ

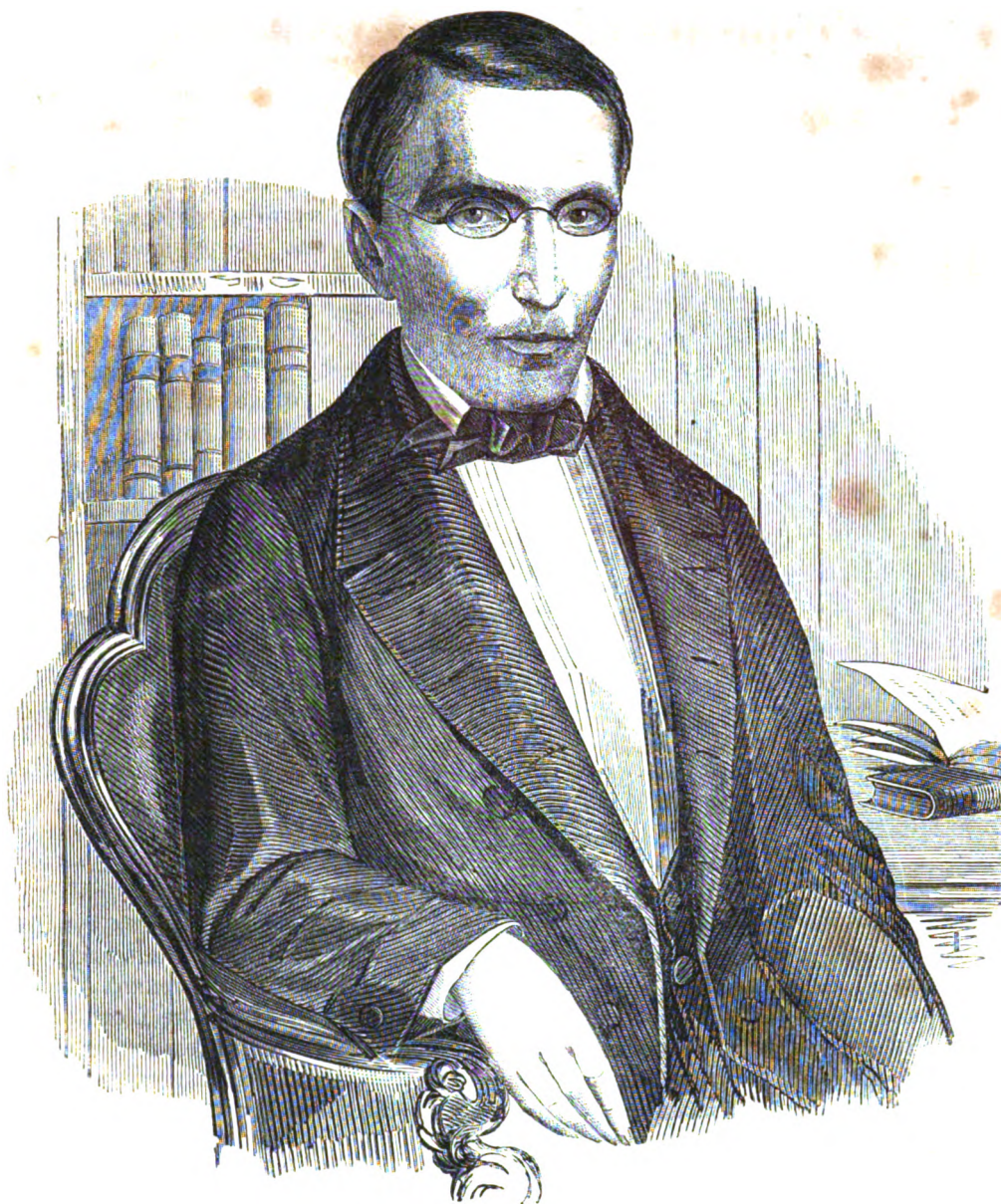
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1857

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 12 Августа 1857 года.

Ценсоръ *А. Мацковский*.

(Помѣщая портретъ И. И. Введенскаго, мы считаемъ долгомъ принести искреннюю благодарность художнику *Павлу Кирилловичу Иванову*, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранить отъ него упреки, какіе могли бы быть обращены къ нему со стороны лицъ, знавшихъ покойнаго, на неточность или недостатки въ сходствѣ. Нужно объяснить, что покойный И. И. Введенскій во всю жизнь ни разу не согласился позволить снять съ себя портретъ (частію изъ скромности, а частію по своему нѣсколько оригинальному воззрѣнію на вещи); такимъ образомъ, по кончинѣ его, семейство и друзья покойнаго лишены были всякой возможности имѣть какой бы то ни было портретъ уважаемаго ими человѣка. Желая хоть частію пополнить этотъ недостатокъ и удовлетворить своему искреннему желанію, они рѣшились, съ согласія супруги Иринарха Ивановича, снять съ него, уже мертваго, маску; эта-то маска и послужила единственнымъ оригиналомъ г. Иванову, который дополнилъ остальное собственными личными воспоминаніями, такъ какъ онъ самъ принадлежалъ къ небольшому кругу короткихъ знакомыхъ и искреннихъ почитателей покойнаго Иринарха Ивановича).

Наука имѣетъ свою судьбу, своихъ борцовъ и мучениковъ. Избранные дѣятели ея, обыкновенно, проходятъ земное поприще безъ шума и блеска, безъ розъ и рукоплесканій. Въ тиши кабинетной жизни, среди тяжелыхъ трудовъ, часто подъ гнетомъ нужды и лишеній, они собираютъ богатства для всемірнаго добра и пользы. Все, что есть на землѣ истинно-прекраснаго и высокаго, все это, по общему закону, суждено было человѣку взять съ бою, купить цѣной необыкновенныхъ усилій и жертвъ. Подъ-вліяніемъ этого роковаго закона слагалась исторія умственнаго прогресса у всѣхъ народовъ.

Въ литературѣ молодой, незрѣлой, когда народная жизнь еще не успѣла принять ее въ свои нѣдра, скрѣпить съ ней братскаго союза, писателю всегда принадлежитъ болѣе или менѣе страдальная роль. Работая на невоздѣланномъ полѣ, онъ неизбежно встрѣчается съ безчисленнымъ множествомъ систематическихъ и случайныхъ препятствій; недостатокъ матеріальныхъ средствъ къ образованію, двусмысленное и часто оскорбительное положеніе автора въ обществѣ, отсутствіе душевнаго спокойствія, столь необходимаго для умственной дѣятельности, разболѣнное служеніе постороннимъ цѣлямъ, зависимость отъ произвольныхъ мнѣній шаткой критики, все это составляетъ камень преткновенія для возникающей науки. Но этого мало; прибавьте къ этому зависть, клевету, столкновеніе мелкихъ самолюбіи, толпу литературныхъ промышленниковъ, у которыхъ совѣсть не дрогнетъ подписать себѣ чужой кровью патентъ на извѣстность и богатство, и вы составите, если не полное, то приблизительно-вѣрное понятіе о томъ, какъ трудно, на первый разъ, самымъ высокимъ дарованіямъ пролагать себѣ, сквозь эти темныя ущелья, прямую дорогу. Въ этомъ житейскомъ омутѣ, безъ сомнѣнія, много гибнетъ попусту растроченныхъ силъ и способностей, несправедливо униженныхъ авторитетовъ, и рѣдкій талантъ выноситъ отсюда свой вѣнецъ безъ пятна и порока. Поэтому первыя попытки просвѣщенія, по обыкновенію, сопровождаются колебаніемъ направленій, непостоянствомъ въ убѣжденіяхъ и быстрой смѣной одного ученія другимъ.

Всѣ эти обстоятельства, столь тѣсно связанные съ восходомъ народнаго образованія, оставили извѣстную долю вліянія и въ

нашей литературѣ: она богата талантами, но бѣдна внутренними силами, въ ней много благородныхъ стремленій, но мало практическихъ результатовъ. «Мы всѣ родимся оригиналами, а умираемъ копіями», замѣтилъ одинъ англійскій поэтъ, и это замѣчаніе не далеко падаетъ отъ лучшихъ нашихъ писателей: имъ часто недоставало нравственной и почти всегда матеріальной независимости, безъ которой духовная жизнь обыкновенно бываетъ лишена оригинальнаго характера.

Выходя, болѣею частію, изъ рядовъ бѣдныхъ сословій, русскіе писатели принуждены были грудью отстаивать каждый шагъ умственнаго развитія. Многие изъ нихъ, не имѣя никакихъ средствъ для первоначальнаго образованія, сами собою одолевали тотъ путь, который ведетъ человѣка къ нравственному совершенству отъ пониманія азбуки и до высшихъ степеней человѣческаго вѣдѣнія. На этомъ единственномъ пути, гдѣ нѣтъ мѣста родословнымъ гербамъ и внѣшнимъ отличіямъ, подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ встрѣчаются графъ и мѣщанинъ, сынъ купца и бѣднаго армейскаго офицера, воспитанникъ лучшаго европейскаго университета и ученикъ дьячка или французскаго пирюльника. Въ любознательности русскаго человѣка, доказанной разительными примѣрами, нельзя сомнѣваться. Пробуждался ли русскій геній на сибирскихъ тундрахъ или воронежскихъ степяхъ, онъ всегда и вездѣ былъ одушевленъ пламенной любовью къ наукѣ. Къ сожалѣнію, не всегда одинаково-благопріятныя обстоятельства содѣйствуютъ его развитію и дѣятельности. Конечно, отъ аристократическаго кабинета до академическихъ креселъ переходъ легкій; но отъ рыбацей хижины до Болонской академіи, какъ напримѣръ шелъ Ломоносовъ, переходъ трудный, исполинскій. Юноша, окруженный обильными средствами, можетъ въ десять лѣтъ обогатить себя такими познаніями, для пріобрѣтенія которыхъ бѣднякъ, съ тѣмъ же самымъ талантомъ, долженъ употребить въ двое болѣе трудовъ и времени. Пушкинъ на 24 году жизни могъ читать иностранныхъ писателей на трехъ языкахъ въ оригиналѣ, а Кольцовъ на 34 году отъ рожденія не умѣлъ правильно писать на своемъ родномъ языкѣ. Восемнадцатилѣтній Жуковскій поставилъ свое имя въ ряду замѣчательныхъ русскихъ писателей, а Н. А. Полевой въ томъ

же возрастъ только могъ дойти до сознанія всей негѣпости своего первоначальнаго самообученія, и за купеческой конторкой началъ снова переучиваться. Всѣ эти, повидимому, ничтожныя, на самомъ же дѣлѣ очень важныя обстоятельства, столь неразлучныя съ развитіемъ умственныхъ способностей и съ успѣхами литературныхъ работъ, могутъ возвести посредственный талантъ на высоту славы и погасить истинный геній въ безсильной борьбѣ съ неизбѣжными условіями жизни...

Если писатель при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ совершилъ свое дѣло, онъ исполнилъ долгъ разумаго существа и честнаго гражданина; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Мы невольно преклоняемся предъ талантомъ его, какъ передъ таинственной и высшей силой; но въ то же время не должны забывать, что этому таланту свѣтило счастье на той дорогѣ, на которой, быть можетъ, суждено многимъ бродить ощупью и совершенно затеряться. Гораздо болѣе мы готовы уваженіемъ и сочувствіемъ мы готовы почитать тѣхъ дѣятелей, которые служили наукѣ вѣрой и правдой, какъ честный солдатъ служить на полѣ битвы своему отечеству. Никакія препятствія, съ которыми имъ суждено было бороться, не могли заставить ихъ измѣнить своему призванію. Положимъ, что они не сдѣлали многого, что могли бы сдѣлать при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ; но всякая заслуга ихъ, какъ бы она маловажна ни была, для насъ драгоценна: одно ихъ стремленіе уже имѣетъ неоспоримое право на наше вниманіе...

«Жизнь моя, пишетъ И. И. Введенскій въ своей автобіографіи, была непрерывной борьбой съ несчастіями, и если радость освѣщала мой темный путь на одно мгновеніе, вслѣдъ за ней я непремѣнно долженъ былъ ожидать новой бури, сокрушающей самыя лучшія мои надежды» *). Такъ говорилъ, на зарѣ своей жизни, двадцатилѣтній юноша, заслоненный отъ свѣта стѣнами московской духовной академіи. Черезъ девятъ

*) Матеріалами для составленія біографическаго очерка мы обязаны супругѣ покойнаго И. И. Введенскаго, за что искренно благодаримъ ее.

надцать лѣтъ, за два года до смерти, когда одинокій странникъ тосковалъ въ столицѣ Франціи о своемъ отечествѣ и о потерѣ любимаго сына, онъ повторилъ ту же жалобу: «Боже мой! да когда же будетъ конецъ моимъ страданіямъ? Неужели я осужденъ навсегда видѣть преждевременную кончину своихъ дѣтей? Прочь всѣ мои мечты; долой всѣ мои надежды!»

Въ этихъ жалобахъ слышится стонъ чловека, не малодушнаго и разочарованнаго, но полнаго силъ и энергіи. Въ нихъ таится глубокой смыслъ жизни, которая тянулась отъ колыбели до гроба среди непрерывныхъ тревогъ, неудачъ и страданій.

Введенскій родился въ 1813 году 21 ноября, въ городѣ Петровскѣ, Саратовской губерніи, въ одномъ изъ темныхъ угловъ приволжскаго края. Отецъ Введенскаго былъ бѣдный сельскій священникъ. Окруженный многочисленной семьей, онъ съ утра до вечера хлопоталъ о насущномъ кускѣ хлѣба.

Первоначальное воспитаніе Введенскій получилъ подѣ непосредственнымъ руководствомъ своего родителя. Даровитый мальчикъ на седьмомъ году возраста бѣгло читалъ церковно-славянскія книги и, по приказанію отца, отправлялъ въ церкви обязанность дьячка. «Мое младенчество, говоритъ покойный авторъ, протекло довольно оригинально. Добрый отецъ мой, нѣжно меня любившій, составилъ себѣ странную систему воспитанія, по которой мнѣ престогаго были запрещены всякія игры, всякія удовольствія, необходимыя для ребенка. Я росъ одинокимъ посреди своихъ сестеръ, и младенчество мое протекло безъ всякихъ впечатлѣній. Поэтому я почти ничего не помню до шести лѣтъ. При огненномъ воображеніи, полученномъ отъ природы, я вовсе однакожъ не имѣлъ игривости, свойственной дѣтямъ.... Какая-то странная задумчивость, вовсе несвойственная ребенку, была во мнѣ отличительной чертой. Словомъ, я былъ ребенокъ-философъ. И это обстоятельство чрезвычайно радовало моихъ родителей, особенно мать, которая не могла нахвалиться степенностію своего сына. Учитъ меня начали четырехъ лѣтъ, и я не помню себя безграмотнымъ».

Это холодное воспитаніе, безъ сомнѣнія, не могло содѣйствовать стройному развитію умственныхъ силъ ребенка, въ особенности его эстетическаго чувства. За всѣмъ тѣмъ,

*

оно имѣло свою хорошую, нравственную сторону, сравнительно съ воспитаніемъ другихъ дѣтей, бросаемыхъ прямо изъ колыбели на руки иностранцевъ, Богъ знаетъ откуда заброшенныхъ на русскую землю. Положимъ, что маленькій «поповичъ» не научился съ раннихъ лѣтъ лепетать на французскомъ языкѣ, не могъ усвоить десяти тысячъ китайскихъ церемоній, но эта потеря еще не велика.... За то въ воспитаніи Введенскаго заключалось много другихъ преимуществъ. Онъ вскормленъ былъ грудью своей матери; его ублаживали въ колыбели звуки роднаго слова; первымъ воспитателемъ его является отецъ, «нѣжно любившій своего сына», и тамъ, гдѣ недоставало искусства, довершала свое дѣло природа.

Мѣстоположеніе села Жукова гдѣ воспитывался Введенскій, было чудесное. Отецъ его былъ трудолюбивый и домовитый хозяинъ; у него были свои собственные нивы, пчельникъ и сѣнокосы. Недалеко отъ его дома, окруженнаго садикомъ, струилась быстрая рѣчка; на одномъ берегу ея возвышался лѣсъ; на другомъ тянулись свѣтлыя поля, покрытыя богатою жатвой. Среди этой природы свободно расцвѣтала младенческая жизнь Введенскаго; въ послѣдствіи, покидая душную школу, онъ съ восторгомъ проводилъ здѣсь веселые каникулы: раздѣлялъ полевые работы съ своимъ отцомъ, любилъ бродить по лѣсу, уединяться на пчельникѣ, ловить рыбу, купаться и объѣзжать молодыхъ лошадей.

Само собою разумѣется, что онъ не понималъ естественныхъ красотъ окружающаго его міра; но природа оставалась вѣрна своему назначенію. Она, безъ его вѣдома, общала воспріимчивой душѣ любознательнаго мальчика все богатство своихъ впечатлѣній, не тѣхъ ложно-искусственныхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ, болшею частію, просыпается духовная жизнь столичнаго дитяти, нѣтъ, впечатлѣній живыхъ, сильныхъ, полныхъ мысли и значенія. Изъ этого чистаго источника онъ почерпалъ первыя понятія о нравственности и уваженіи къ труду человѣка. Гдѣ все вокругъ его дышало любовью, отъ ранней пѣсни жаворонка и до поздняго сельскаго хоровода, тамъ онъ учился чувствовать и любить. Вотъ гдѣ образовалось то горячее сердце, которое не могли охладить ни годы, ни жи-

тейское горе, и которое такъ искренно сочувствовало всему честному и справедливому.

Едва исполнилось Иринарху восемь лѣтъ, его вырвали изъ теплыхъ материнскихъ объятій и повезли въ пензенское духовное училище. «Никогда не забуду, говорить онъ, тѣхъ горючихъ слезъ, которыя проливала мать при первой разлукѣ со мной». Дѣйствительно, переходъ отъ домашняго быта къ школьному образу жизни вообще представляетъ рѣзкую перемену для малолѣтнихъ дѣтей; тѣмъ болѣе долженъ былъ чувствовать это Введенскій. Онъ вдругъ разставался съ семействомъ, гдѣ его лелѣли, какъ единственнаго сына; онъ покидалъ за собой воспоминанія веселаго дѣтства, тотъ міръ, къ которому онъ былъ привязанъ всеми нервами своего молодого сердца. Ласки матери, полное раздолье удовольствій среди сельскихъ полей—все это исчезало для него сновидѣніемъ съ той минуты, когда онъ переступалъ за порогъ школы. Здѣсь другая картина рисовалась его воображенію—чужіе люди, суровая школьная дисциплина и розги—эта *ultima ratio* пензенскаго педагога....

Новый питомецъ поступилъ во второй классъ уѣзднаго училища. Невыгодное обстоятельство для Введенскаго, на первый разъ, состояло въ томъ, что онъ явился въ половинѣ учебнаго курса, т. е. въ первыхъ числахъ января. Но пусть онъ самъ расскажетъ намъ о первыхъ дняхъ своего школьнаго ученія. «Когда я началъ посѣщать классы, настоящіе мои товарищи ужъ далеко зашли въ грамматику, именно до глаголовъ, а я не имѣлъ о ней никакого понятія. Порядокъ вещей требовалъ, чтобы я хоть сколько нибудь ознакомился съ частями рѣчи, предшествующими глаголу; но ничего не бывало: меня прямо заставили учить: я есмь, ты еси, онъ есть и т. д. Разумѣется, это было для меня тараторской грамотой, въ которой я не понималъ ни одной буквы; но этого и не требовали. Къ концу года я могъ отъ доски до доски, не пропуская ни одного слова, читать наизусть грамматику Меморскаго, которую я однакожъ понималъ столько, сколько и до поступленія въ школу; но мнѣ сказали, что я совершенный знатокъ въ грамматическомъ искусствѣ, и перевели въ слѣдующій классъ. Такъ же безтолково изучалъ я законъ божій и ариметику. Въ

мое время служилъ руководствомъ простран- ный катихизисъ Платона. Какъ сейчасъ помню, какъ я, въ доказательство бытія бо- жія, читалъ: «если бы *матерь* міра сего вѣчна была и пр.» За такое чтеніе я схва- тилъ отъ своего учителя оплеуху.—Какъ же надобно читать?—*Матеріа* міра.—А что такое матерія міра?— Не твое дѣло; читай какъ написано».

Какъ бы то ни было, Введенскій, черезъ полгода, перешелъ, въ числѣ первыхъ уче- никовъ, въ третій классъ. Здѣсь ему прихо- дилось начать многіе предметы съ азбуки. Латинскій и греческій языки стояли въ го- ловѣ преподаванія. Впрочемъ вся работа ученика исключительно опиралась на память, а Введенскій обладалъ превосходной па- мятью. Благодаря механизму этой способно- сти, онъ въ первую же треть сталъ первымъ ученикомъ въ числѣ своихъ товарищей. «Въ первый годъ, пишетъ онъ (начиная съ 3-го класса и до послѣдняго въ каждомъ отдѣ- леніи воспитанникъ долженъ былъ пробыть два года), я отлично «вызубрилъ» латинскую грамматику до неправильныхъ глаголовъ и кончилъ склоненія греческаго языка. Древ- неклассическіе языки казались мнѣ въ то время такой премудростью, для постиженія которой мало цѣлой жизни человѣческой, — и я едва ли ошибался.... Сколько могу су- дить теперь, дѣйствительно, столѣтія мало, чтобъ изучить какой нибудь изъ древнихъ языковъ по той методѣ, которую употре- блялъ нашъ преподаватель. Въ мое время пе- реводили съ латинскаго на русскій извѣст- ные сто четыре священные исторіи. Въ про- долженіе двухъ лѣтъ мы дошли, кажется, до IV главы. Учитель латини былъ чело- вѣкъ очень набожный; онъ выпускалъ нѣ- которыя слова, казавшіяся ему предосуди- тельными въ этой книгѣ. Разумѣется, по- добные выпуски ни чѣмъ не замѣнялись»*).

Первые два года пребыванія въ пензен- скомъ училищѣ, Введенскій жилъ на воль- ной квартирѣ. вмѣстѣ съ нимъ одиннадцать мальчиковъ занимали двѣ небольшія комна- ты; у нихъ былъ общій столъ, за которыми

*) Само собою разумѣется, что подобный фактъ теперь составляетъ исключеніе изъ общаго пра- ва. Вслѣдъ за развитіемъ нашего просвѣще- нія, духовныя заведенія постепенно совершен- ствовались.

они обѣдали, а по вечерамъ, при свѣтѣ одной сальной свѣчи, садились въ кружокъ и за- нимались. Отецъ не упускалъ изъ виду судь- бы своего сына. На третій годъ онъ помѣ- стилъ его въ училищную бурсу, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобъ поселить его поближе къ классамъ. Описаніе бursы, въ которой Введенскому суждено было прожить около года, сохранилось въ его собственныхъ за- пискахъ: «Представьте себѣ огромную ком- нату, отчасти похожую на конюшню. Посре- ди ея длинная доска, которой концы утвер- ждены въ отверстіяхъ, сдѣланныхъ въ стѣ- нахъ — это столъ. На немъ полу-испеченный картофель, грамматика Меморскаго, соль, арифметика, лапотъ, ведро съ водой, нотный октоихъ, черствая корка хлѣба и подъ ней тетрадь, связанная для классныхъ упражне- ній. По угламъ широкія нары вмѣсто кроватей. На нихъ три или четыре войлока, свя- занные въ кучу и нѣсколько отодвинутые отъ стѣнъ, чтобы предохранить ихъ отъ вліянія воды, въ изобиліи текущей со стѣнъ въ зимнее время; подлѣ этой кучи: халаты, картузы, кушаки и пр. и пр. На полу разбро- саны бабки, покрытыя кучами сора. Эта комната служила и залой для домашнихъ занятій и спальнею для дѣтей. Запахъ въ комнатѣ удушливый, которымъ безъ при- вычки трудно дышать.... Но вотъ раздался звонокъ, и голодные бурсаки стремглавъ пу- стились на кухню, которая замѣняетъ имъ столовую. Зимой очень часто случается ино- му мальчику за неимѣніемъ обуви или вто- ропахъ проскакать по снѣжному двору на своей собственной подошвѣ. Столовая.... но о столовой можно и не говорить. Я и теперь не могу вспомнить безъ особеннаго отвра- щенія объ этомъ житьѣ-бытьѣ, тѣмъ болѣе, что я еще такъ недавно оставилъ чистень- кій родительскій домикъ, добрую мать и пр. и пр.»

Почти цѣлый годъ этой горемычной жиз- ни между дѣтьми крайне-бѣдныхъ родите- лей и круглыми сиротами провелъ Введен- скій. Къ концу учебнаго года отецъ поспѣ- шилъ взять его изъ бursы и повезъ на сви- даніе съ матерью.

Такъ или почти такъ прошли первые че- тыре года школьной жизни Введенскаго. Онъ учился очень прилежно и особенно охотно занимался латинскимъ языкомъ. Вдругъ, на пути схоластическаго образова-

нія, совершенно случайно попадаетъ ему въ руки Карамзинъ и увлекаетъ его за собой неотразимой силой. Отецъ, навѣстивъ своего сына въ половинѣ учебнаго года, привезъ ему двѣ книги: сочиненія Ломоносова и «Письма Русскаго Путешественника» Карамзина. Показывая на перваго, онъ сказалъ: «это дрянъ; пожалуй и не читай». Но юноша повиновался не столько совѣтамъ отца, сколько своимъ собственнымъ инстинктамъ. Съ жадностью перечитывая «Письма Русскаго Путешественника», онъ пристрастился къ нимъ. «Это первая книга, говоритъ Введенскій, которую я прочиталъ съ любовію». Въ самомъ дѣлѣ, Карамзинъ долженъ былъ занять высокое мѣсто въ его нравственномъ и умственномъ воспитаніи. Собственно говоря, онъ первый пробудилъ его душу отъ тяжелаго первосонья и въ хаосѣ мертвыхъ знаній озарилъ новымъ свѣтомъ. Передъ взоромъ духовнаго воспитанника, недавно оставившаго бурсу, вдругъ открывается великолѣпная панорама западной Европы; съ береговъ Суры эта книга переноситъ его на берега Рейна и Женевскаго озера, на вершины Альпійскихъ горъ и въ долины Швейцаріи. Онъ видитъ передъ собой прекраснаго юношу, котораго любознательность ведетъ за предѣлы отечества и знакомитъ съ образованными людьми въ Европѣ. Замѣчательно, за чтеніемъ Карамзина впервые запала въ его душу мысль о путешествіи за границу. Тридцать лѣтъ онъ желѣялъ эту мечту. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ, онъ писалъ къ г. С.... «Повѣрите ли, если скажу, что мысль о путешествіи заронилась въ мою душу еще въ дѣтствѣ? Я былъ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, когда прочелъ «Письма Русскаго Путешественника». Этому сочиненію я обязанъ.... мыслию о путешествіи, которая съ теченіемъ времени постоянно во мнѣ укоренялась, и когда исчезли почти всѣ мечты моей молодости, только одна мысль о поѣздкѣ въ чужіе края еще ярко горитъ въ душѣ моей».

Съ этой поры Карамзинъ дѣлается для него любимымъ писателемъ, первымъ учителемъ, за которымъ въ продолженіе семи лѣтъ идетъ умный мальчикъ, какъ за своей ласковой нянькой. Перечитавъ нѣсколько разъ «Письма Русскаго Путешественника», Введенскій пишетъ къ своему отцу: «Тятинька, не посылай мнѣ лепешекъ, а пришли еще

Карамзина; я люблю его; я буду читать его по ночамъ и за то буду хорошо учиться».

Въ этомъ наивно-дѣтскомъ лепетѣ высказалась живая потребность юношеской души.

Подъ вліяніемъ Карамзина, Введенскій черезъ годъ началъ изучать французскій языкъ. За неимѣніемъ живаго руководителя онъ приобрѣлъ себѣ самоучитель и выучилъ его весь наизусть. Потомъ съ помощію лексикона приступилъ прямо къ чтенію книгъ. «La nouvelle Héloïse», Ж. Ж. Руссо, было первое сочиненіе, прочитанное Введенскимъ на французскомъ языкѣ. Онъ уходилъ съ «Новой Элоизой» на сѣнникъ, забивался въ уголъ сарая, чтобы скрыть отъ зоркаго взгляда начальника «запрещенный плодъ».... Въ послѣдствіи времени онъ точно такъ же изучалъ нѣмецкій языкъ.

Съ переходомъ Введенскаго изъ духовнаго училища въ семинарію соединяется другое событіе, не лишнее для него значенія: переѣздъ его изъ города Пензы въ Саратовъ.

Въ семинаріи главными предметами его ученія были словесность, философія и богословіе, преподаваемые на латинскомъ языкѣ. Кромѣ того было много наукъ дополнительныхъ: древніе языки, всеобщая и церковная исторія, математика, герменевтика и проч. Руководствами служили старые учебники, большею частію изданные въ концѣ прошлаго вѣка, во время преобразованія семинарій. По предмету словесности была принята латинская риторика Бургія, пѣтика Аполло-са, философія преподавалась по книгѣ Баумейстера, теоретическая часть богословія — по трактату Теофилакта: «de credendis et agendis», а практическая — по «Чертамъ дѣятельнаго ученія» Кочетова и т. д.

Введенскій шелъ на ряду съ первыми учениками по всѣмъ классамъ и обращалъ на себя всеобщее вниманіе блистательными способностями. Риторическій классъ ясно опредѣлилъ его будущія стремленія. Введенскій обнаружилъ особенное сочувствіе къ наукамъ историческимъ, древнимъ и новымъ языкамъ. «Исторія Государства Россійскаго», подаренная ему отцомъ въ день перехода его въ семинарію, была для него настольной книгой. Введенскій прочиталъ ее отъ доски до доски, сдѣлалъ выписки и все введеніе выучилъ наизусть. «Однажды я такъ изу-

мигъ профессора своими историческими свѣдѣніями, что онъ пришелъ въ неописанный восторгъ. Вечеромъ призывалъ меня къ себѣ и далъ чашку чаю, которую я съ должнымъ благоговѣніемъ пилъ стоя и обжегъ себѣ три пальца на правой рукѣ».

Языки были вторымъ предметомъ его любимыхъ занятій. Французскія книги онъ читалъ свободно; съ нѣмецкимъ языкомъ началъ знакомиться въ философскомъ отдѣленіи, а въ богословскомъ классѣ изучалъ еврейскій. «Еврейская грамота, писалъ онъ къ отцу, идетъ у меня хорошо; едва ли я не первый знатокъ ея между своими товарищами; мнѣ очень желательно со временемъ прочитать на еврейскомъ языкѣ книгу «Іова» и «Пѣсни Пѣсней».... времени мало; люблю читать книги».

Но главнымъ полемъ его работъ были практическія упражненія. Воспитанникамъ философскаго класса вмѣнялось въ непремѣнную обязанность писать разсужденія на темы, въ родѣ слѣдующихъ: «о различіи вѣры и знанія, о превосходствѣ умозрительнаго ученія передъ опытнымъ». «Диссертациі, говоритъ онъ, были для меня, въ нѣкоторомъ смыслѣ, ареной, на которую я выходилъ смѣлымъ борцомъ, увѣреннымъ въ своихъ силахъ». Понятно, здѣсь онъ находилъ случай примѣнять къ дѣлу заготовленные имъ матеріалы посредствомъ чтенія книгъ, выказывать гибкость своего живаго ума и прекраснаго слога, которыми онъ, безъ сомнѣнія, былъ обязанъ Карамзину. Въ продолженіе шестилѣтняго семинарскаго курса Введенскій написалъ множество разсужденій, которыя и послѣ него долго ходили въ саратовской семинаріи изъ рукъ въ руки учениковъ въ видѣ толстаго фоліанта. Большая часть изъ нихъ написана на латинскомъ языкѣ, а нѣкоторыя — на русскомъ. Всѣ они отличаются стремленіемъ блеснуть оригинальнымъ мнѣніемъ, стройнымъ систематическимъ изложеніемъ и обиліемъ цитатъ изъ французскихъ и латинскихъ писателей. Мы имѣемъ подъ рукой одно изъ его разсужденій «О значеніи духовнаго сословія въ исторіи русскаго народа». Содержаніе его свидѣтельствуетъ о необыкновенныхъ трудахъ юноши. Съ карандашемъ въ рукѣ онъ прочиталъ девять томовъ исторіи Карамзина, отмѣтилъ факты, необходимые для его предмета, и, сообразивъ относительное ихъ

достоинство, сгруппировалъ историческія данныя въ одно громадное сочиненіе.

Одна изъ такихъ диссертаций «О безсмертіи души» могла стоить ему рѣшительнаго сумасшествія. Употребивъ нѣсколько бессонныхъ ночей на ея разработку, онъ испыталъ отъ напряженной дѣятельности сильный припадокъ въ мозговыхъ органахъ. Разстроенному его уму представилось, что онъ живетъ въ новомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни скорби, ни страданій. Болѣзнь его началась довольно оригинально. Онъ отправился на рынокъ, купилъ арбузовъ, дынь, яблокъ, уложилъ ихъ въ полъ своего длиннаго сюртука и прямо, безъ доклада, вошелъ въ залу своего инспектора. Обратившись къ монаху съ слѣдующими словами: «Вотъ, отецъ, плоды новаго міра», онъ высыпалъ фрукты на полъ и юркнулъ изъ комнаты. Это было весной. На другой день утромъ онъ отправился на высокую гору, лежащую на восточной сторонѣ Саратова. Съ этой горы, на которой нѣкогда буйствовалъ Пугачевъ, открывается величественная картина окрестныхъ мѣстностей. Введенскій взомелъ на самую ея вершину, сталъ на колѣни передъ восходящимъ солнцемъ и произнесъ импровизированную молитву. «Эта минута, какъ онъ самъ говорилъ, была самая поэтическая въ его жизни». Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ чудное лѣтнее утро, торжественную тишину, окружающую поэта; у ногъ его катилась широкая Волга; позади его лежалъ во всей своей пестротѣ многолюдный городъ; слѣва разстилались зеленые поля, прекрасные сады, и справа, на отдаленномъ горизонтѣ, синѣлась безграничная даль заводскихъ степей. Впрочемъ это поэтическое состояніе больного юноши продолжалось не долго: его привели въ больницу и привязали къ постели. Болѣзнь, развиваясь больше и больше, угрожала ему смертью. Къ счастью, пріѣхали его родители. Мать съ горячими слезами на глазахъ подошла къ кровати сына. Слезы матери сильно поразили его болѣзненное воображеніе; въ головѣ Введенскаго мгновенно сверкнула мысль: «неужели и въ новомъ мірѣ есть слезы»? Развивая свою мысль далѣе и далѣе, онъ наконецъ дошелъ до яснаго сознанія о своемъ лунатическомъ состояніи, и, благодаря нѣжнымъ заботамъ матери, скоро выздоровѣлъ: «Странно, пишетъ онъ; но съ этой поры я на долго раз-

любилъ диссертациі и писалъ ихъ съ такимъ же принужденіемъ, съ какой охотой занимался ими прежде».

Наконецъ въ 1834 году, 15 іюля Введенскій окончилъ курсъ наукъ въ семинаріи. Одиннадцать лѣтъ непрерывныхъ и утомительныхъ трудовъ достигли своей цѣли. Впереди, какъ только Введенскій покидалъ школьную скамью, ожидала его мирная доля сельского священника, семейная жизнь и существованіе въ какомъ нибудь уголку саратовской губерніи. Но юноша, проникнутый страстнымъ желаніемъ идти дальше на пути своего совершенствованія, видѣлъ передъ собой другое призваніе. Онъ рѣшился убѣдить своего отца отпустить его въ московскую духовную академію. Отецъ согласился. Между тѣмъ одинъ профессоръ саратовской семинаріи, любившій Введенскаго, совѣтовалъ ему поступить въ университетъ, предлагая настоящее назначеніе своего даровитаго и пылкаго питомца; съ этой цѣлью ему дано было рекомендательное письмо къ профессору московскаго университета М.... Мечта о поступленіи въ университетъ огнемъ охватила душу неопытнаго юноши. «Всю дорогу я только и думалъ о томъ, какъ бы устроиться въ университетѣ; экзаменовъ я не боялся; одно меня сильно сокрушало: чѣмъ я буду жить, когда буду студентомъ? Денегъ со мной всего было 100 рублей (ассигнаціями); отъ отца я требовать больше не могъ, потому что онъ съ величайшимъ трудомъ собралъ кое-какъ и эту сумму. Но будь что будетъ: я пока видѣлъ во всемъ одну хорошую сторону и заранѣе приходилъ въ восторгъ, какъ буду слушать людей ученыхъ, которые откроютъ мнѣ новый міръ знаній. Черезъ пять лѣтъ пришлось во многомъ разочароваться и повторить: «славны бубны за горами».

Добравшись до Москвы въ августѣ 1834 года Введенскій на первый разъ всего болѣе нуждался въ руководителѣ. Въ надеждѣ найти его въ профессорѣ М...., онъ отправился къ нему изъ Сергіевской Лавры пѣшкомъ, имѣя при себѣ рекомендательное письмо. Запыленный, усталый, загорѣлый, послѣ долгихъ поисковъ онъ наконецъ отыскалъ квартиру профессора; вошелъ въ переднюю, отдалъ письмо и ожидалъ отвѣта. Профессоръ обѣдалъ, и вовсе непредставительному чело­вѣч­ку приказано было подождать на

кухнѣ, пока его профессорская милость откушаетъ. Юноша пріютился было на кухнѣ, но вдругъ ему показалось крайне обиднымъ находиться въ обществѣ лакеевъ и кухарокъ, и онъ, не дождавшись болѣе благосклоннаго пріема, воротился назадъ и черезъ двѣ недѣли поступилъ въ Московскую духовную академію. И профессорской кухнѣ суждено было привести Введенскаго вмѣсто университета въ академію...., отнять у него четыре года напрасныхъ трудовъ.

Долго Введенскій не могъ осмотрѣться среди новыхъ товарищей, собравшихся въ академію съ разныхъ сторонъ, долго не могъ привыкнуть къ новому образу жизни. Первая страница его академическаго дневника начинается такъ: «.... Уже три мѣсяца я въ академіи; достигъ, повидимому, кое-какой цѣли, но не избѣжалъ непріятностей: тоска грызетъ мое сердце, грусть точитъ мои внутренности». Источникомъ этого грустнаго положенія было противорѣчіе, въ которое онъ сталъ съ окружающимъ его міромъ и которое съ каждымъ днемъ больше и больше увеличивалось. «14 февраля. Тогда какъ мои товарищи веселятся, пишетъ онъ, я въ самомъ дурномъ расположеніи духа; я мраченъ, унылъ и до безконечности печаленъ. Вотъ что значитъ — идти наперекоръ самому себѣ».

Дѣйствительно, онъ шелъ наперекоръ своему призванію. Съ одной стороны его волновало неутомимое желаніе перейти въ университетъ, съ другой горькая необходимость держала за стѣнами академіи. Отецъ Введенскаго, какъ мы уже сказали, былъ чело­вѣ­къ бѣдный; у него было много дочерей, которыхъ онъ долженъ былъ пристроить; за всѣми домашними расходами, онъ въ состояніи былъ удѣлить своему сыну отъ 10 до 20 р. въ годъ. Могъ ли студентъ университета прилично содержать себя на эти деньги? Поэтому Введенскій только и могъ мечтать объ университетѣ, не имѣя никакой возможности осуществить на дѣлѣ свою задушевную мечту.

Не смотря на совершенный разладъ съ самимъ собой, на глубоко-тоскливое свое положеніе, онъ очень усердно занимался. Независимо отъ классныхъ упражненій, которыя шли своимъ обычнымъ порядкомъ, онъ постоянно читалъ книги. «Всѣ товарищи мои готовятся къ экзамену, а я читаю журналы:

вѣрно я слишкомъ уменъ или слишкомъ глупъ». Надобно замѣтить, вообще студенты духовной академіи страстно любили свѣтскую литературу. При всей своей бѣдности они выписывали почти всѣ журналы, которые, переходя изъ рукъ въ руки, зачитывались до уничтоженія. Введенскій, въ этомъ случаѣ, имѣлъ вліяніе на своихъ товарищей; онъ убѣждалъ ихъ учиться англійскому языку, и нѣкоторые изъ нихъ занимались новѣйшими языками единственно въ силу его краснорѣчивыхъ доводовъ. Во время лѣтнихъ каникулъ онъ пользовался книгами богатой академической библіотеки. Знаніе языковъ—греческаго, латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго (съ послѣдними двумя онъ познакомился въ академіи) открывало ему свободный доступъ въ область пяти знаменитыхъ литературъ, изъ которыхъ онъ могъ брать умственныя сокровища полной рукой. Чтеніе книгъ было для него не только источникомъ наслажденія, но и особенной школой образованія. Выписки изъ Миллота, Монтескьё, Сегюра, Юма, Гиббона, Цицерона и др. показываютъ, что онъ читалъ книги съ величайшимъ вниманіемъ и готовилъ матеріалы для будущихъ работъ.

Кромѣ того онъ переводилъ, вѣроятно для печати, «Исторію Европейской Цивилизаціи» Гизо, «Политическую Экономію» Шторха, на третій годъ академическаго курса приступилъ къ изученію итальянскаго языка и въ свободное время уходилъ изъ троицкаго посада въ московскій университетъ слушать лекціи. «Бросая безпристрастный взглядъ на самого себя и не обольщаясь самолюбіемъ, скажу безъ дальнихъ околичностей, что я, будучи одаренъ пламеннымъ воображеніемъ, болѣе способенъ заниматься тѣми науками, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ практикѣ, каковы литература, исторія, поэзія, а не философій».

Труды и отшельническая жизнь, лишенная всякихъ невинныхъ удовольствій, наконецъ разстроили его здоровье. Кромѣ временныхъ недуговъ, которымъ онъ часто подвергался, Введенскій рано начинаетъ жаловаться на слабость зрѣнія. На двадцатомъ году онъ въ первый разъ надѣлъ очки, и съ той поры не снималъ ихъ до окончательной потери зрѣнія.

Въ 1836 году, онъ получилъ отъ матери печальное извѣстіе о смерти своего отца.

«Этотъ годъ, пишетъ онъ, кровавыми буквами врѣжется въ мою память на всю мою жизнь». Введенскій лишился въ отцѣ послѣдней опоры въ жизни. Послѣ этого извѣстія первымъ его дѣломъ было—утѣшить свою горюющую мать. Онъ совѣтуется ей не убивать себя горемъ, а дѣйствовать, и дѣйствовать такъ, «чтобъ не возмутить вѣчнаго покоя нѣжно-любимаго отца, продать домъ, скотъ и все домашнее заведеніе и переехать къ одной изъ замужнихъ дочерей». Самъ же онъ съ новымъ жаромъ обратился къ наукѣ. «Теперь, пишетъ онъ, чтобъ быть честнымъ передъ бѣдной матерью, надобно удвоить свои труды». И дѣйствительно, Введенскій сдержалъ свое слово. Черезъ мѣсяць, когда грустныя впечатлѣнія, навѣяныя на его душу потерей отца, стали по немногу исчезать, онъ день и ночь занимался чтеніемъ книгъ и переводами. Определеннаго плана въ этихъ занятіяхъ мы не видимъ. Онъ попеременно переходилъ отъ историческаго сочиненія къ филологическому, отъ древне-классическаго писателя къ современному, отъ стараго фоліанта къ журналу. Но въ этихъ неутомимыхъ трудахъ выражалось одно прекрасное, хоть и мечтательное стремленіе молодой души—охватить какъ можно шире область человѣческаго знанія, познакомиться со всѣми замѣчательными явленіями умственнаго міра. Не имѣя передъ собой никакой практической цѣли, онъ покорно шелъ на голосъ природы, стремился къ тому умственному превосходству, безъ котораго считалъ невозможнымъ «быть честнымъ передъ своей бѣдной матерью». Въ письмѣ къ одному изъ своихъ добрыхъ знакомыхъ, отцу Анастасію, онъ пишетъ: «среди пріятныхъ занятій и чтенія знаменитыхъ писателей, я начинаю забывать и объ университетѣ. Теперь я живу въ древнемъ языческомъ мірѣ, гуляю по Риму вмѣстѣ съ консуломъ и ораторомъ (Цицерономъ), курю олимпіамъ Юпитеру и ругаюсь съ Верресомъ. Славная была жизнь! Сколько дѣятельности, ума и познаній! Ночью я ухожу въ садъ и тамъ среди уединенія, вздергивая носъ къ верху, начинаю произносить ораторскія рѣчи, подражая Цицерону. Эта потѣха обходится не дешево для моей слабой груди, выдаются мѣста славныя. Иногда воспламенишься не на шутку; рѣчь льется потокомъ, голова горитъ и, кажется, отъ силы моего краснорѣ-

чія трепещуть звѣзды на небѣ... Многоуважаемый благоцѣтель! Все обстоитъ доселѣ хорошо, а денегъ опять ни одной полушки. Въ правомъ карманѣ сочельникъ, а въ лѣвомъ великій постъ. Сдѣлайте милость пришлите 25 рублей, и я согласенъ за эту сумму идти къ вамъ въ кабалу. Совѣстно мнѣ просить у васъ, да что жъ дѣлать? Вы одни принимаете во мнѣ участіе въ этой юдоли слезъ и разныхъ гадостей... Прежде не явлюсь къ вамъ, пока не окончу Цицерона и не познакомлюсь хоть немного съ вашимъ любимцемъ Тертуліаномъ *).

Въ 1837 году Введенскій перешелъ въ четвертое отдѣленіе. Оставалось пять мѣсяцевъ до окончанія курса наукъ въ академіи. Берегъ лежалъ близко, но не суждено было доплыть до него Введенскому. Неотвязчивое желаніе перейти въ университетъ снова проснулось въ его душѣ. «Скоро, скоро, пишетъ онъ матери, кончится мое академическое ученіе; но что я буду дѣлать въ духовномъ званіи?.. Я не приготовленъ къ нему; мои наклонности влекутъ меня въ другую сторону. Я обману себя, васъ, людей и Бога, если пойду въ противность голосу своей природы. Безотрадное положеніе!» Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было въ высшей степени безотрадное. Съ одной стороны какаютъ неотразимая сила вела Введенскаго къ неясной цѣли, олицетворенной въ образѣ университета; съ другой стороны ему представлялось скорое окончаніе курса наукъ и свиданіе съ матерью. Опутанный противорѣчіями, утомленный четырехлѣтней борьбой съ самимъ собой, юноша изнемогъ; ему измѣнили нравственныя его силы и онъ упалъ духомъ...

Въ половинѣ января 1838 года, Введенскій былъ уволенъ изъ московской духовной академіи, съ правомъ студента семинаріи по первому разряду.

Застигнутый въ располхъ непредвидѣннымъ событіемъ, лишенный всякихъ средствъ къ существованію, Введенскій сильно заболѣлъ и около шести мѣсяцевъ пролежалъ на госпитальной койкѣ, въ московской Марининской больницѣ. Продолжительная болѣзнь потрясла весь его организмъ и оставила въ немъ слѣды разрушенія на всегда. Одышка,

*) Письмо это написано на латинскомъ языкѣ; здѣсь оно представлено въ переводѣ.

боль въ груди и шумъ въ ушахъ были постоянными спутниками его жизни. Къ физическимъ страданіямъ присоединилось много нравственныхъ огорченій. Ничто такъ не вредило въ жизни Введенскому, какъ пыкость характера и откровенность, свойственная людямъ, увѣреннымъ въ своихъ силахъ. Откровенность наживала ему въ глушахъ доносчиковъ, въ хитрецахъ — обманщиковъ, въ людяхъ ничтожныхъ — враговъ и завистниковъ. Онъ безъ всякаго преувеличенія могъ повторить о себѣ слова Шекспира: «я отдавалъ вмѣстѣ съ рукою сердце и моимъ же сердцемъ меня хлестали по лицу».

Оправившись отъ продолжительной болѣзни, Введенскій поступилъ въ московскій университетъ, въ августѣ 1838 года; въ то же время мы находимъ его въ домѣ г. П.... Профессоръ любилъ пользоваться трудами молодыхъ людей особенно тамъ, гдѣ дѣло шло о ничтожной платѣ за большой литературный трудъ; г. П.... принялъ къ себѣ бѣднаго студента въ качествѣ дешеваго учителя для своего пансіона. Введенскій работалъ добросовѣстно, иначе онъ работать не умѣлъ: каждый день давалъ уроки воспитанникамъ пансіона, экзаменовалъ ихъ; въ отсутствіе профессора, когда славянофилъ путешествовалъ за границей, Введенскій принималъ тѣки высылаемыхъ книгъ, исполнялъ его порученія, писалъ къ нему письма и управлялъ всѣмъ пансіономъ. За все это онъ получалъ отъ г. П.... 600 р. ассигн. въ годъ, да еще съ какимъ-то вычетомъ. «Отъ раннего утра, говоритъ онъ, и до поздняго вечера я не принадлежалъ самому себѣ и рѣдкій день могъ употребить на собственную свою работу». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посѣщалъ университетъ, хотя очень рѣдко; потому что рано утромъ ему приходилось шагать черезъ все дѣвичье поле, по крайней мѣрѣ около пяти верстъ. Притомъ «славны бубны за горами»... Введенскій сѣлъ на университетскую скамью не семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, съ кой-какими познаніями; онъ пришелъ слушать «людей ученыхъ» на 23 году своей жизни, изъ другаго высшаго заведенія, гдѣ находился въ ряду отличныхъ учениковъ.

Въ началѣ весны 1840 года онъ оставилъ Москву и переехалъ въ Петербургъ. Неизвѣстно, какими побужденіями Введенскій руководствовался при этомъ новомъ переселе-

нія. Кажется онъ надѣялся съ перемѣной мѣста обновить свое нравственное существо, страхнуть съ плечъ грустные воспоминанія шестилѣтней жизни въ Москвѣ. Пребываніе его въ пансіонѣ г. П... окончательно перепутало всѣ его планы, разрушило послѣднія его надежды; измученная грудь юноши требовала свѣжей струи воздуха. «Снова, пишетъ онъ, не задолго передъ отъѣздомъ, я стою на краю пропасти. Боже мой! что мнѣ дѣлать, когда погасла энергія въ моей душѣ? Что мнѣ дѣлать, когда какая-то непонятная сила давить меня на каждомъ шагѣ? Много образовывалось въ головѣ моей плановъ, предпріятій, но всѣ они или замирали при самомъ своемъ рожденіи или оставляемы были при самомъ началѣ ихъ осуществленія. И зачѣмъ Провидѣніе дало мнѣ множество стремленій, порывовъ, которые смѣло могу назвать благородными, когда я лишенъ возможности дѣйствовать? Неужели мои таланты, пусть слабые, но все же таланты, должны погибнуть при самомъ своемъ развитіи? Неужели со временемъ, продолжая быть безполезнымъ для себя и другихъ, я долженъ буду вести жизнь свою въ какой-нибудь богодѣльнѣ, нюхая табакъ съ своими собратьями, изъ которыхъ, конечно, я буду самымъ жалкимъ и, въ то же время безполезнѣйшимъ существомъ? Нѣтъ! душа моя проситъ труда, знанія»... Такимъ образомъ покидая Москву, онъ думалъ разбудить въ себѣ заснувшія силы; Петербургъ казался ему новой планетой, на которой нѣтъ ни слезъ, ни горя, ни разочарованій.

Отправляясь въ Петербургъ, онъ надѣялся застать въ немъ г. П... и воспользоваться его покровительствомъ; но г. П... уже не было здѣсь. Не имѣя ни знакомыхъ, ни друзей, ни одного мѣднаго гроша въ карманѣ, молодой человѣкъ оставался въ столпѣ, какъ на необитаемой землѣ. Грустно повторять, но покойный Введенскій самъ рассказывалъ, какъ онъ, за неимѣніемъ квартиры, проводилъ дни кое-гдѣ, ночью засыпалъ въ академической бесѣдкѣ или въ саду подѣ деревомъ: однѣ звѣзды лѣтнаго неба были свидѣтелями тѣхъ горькихъ слезъ, которыя текли изъ растерзанной души. «Здравствуй, бѣдная книжка, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ 25 августа, имѣю честь рекомендоваться тебѣ голоднымъ жителемъ роскошнаго города. Почти полгода прожилъ

я въ Петербургѣ, преданный всѣмъ родамъ униженія, ужасной нищетѣ, брошенный на произволъ судьбы. И вотъ я именно полуживой, полуразрушившійся надъ могилой».

Не смотря на эти непріятности, онъ не думалъ своротить съ дороги, указанной ему природой; онъ ревностно хлопоталъ о поступленіи въ петербургскій университетъ, и, только благодаря своей настойчивости, былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ.

Замѣченный редакторомъ «Библіотеки для чтенія», какъ полезный сотрудникъ, Введенскій сблизился съ нашимъ извѣстнымъ ориенталистомъ, и въ послѣднихъ числахъ февраля 1841 года переѣхалъ въ его квартиру. Выступая на литературное поприще въ одномъ изъ лучшихъ періодическихъ изданій того времени, подѣ руководствомъ необыкновенно даровитаго и образованнаго человѣка, Введенскій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Боже мой! дай мнѣ волю, твердость характера и терпѣніе. Наконецъ я встрѣтился съ дѣятельностію, которой такъ давно искалъ: остается оправдать себя». Какъ переводчикъ и критикъ, онъ неутомимо работалъ для этого журнала въ продолженіе всего своего пребыванія въ университетѣ. За 1842 годъ большая часть критическихъ статей «Библіотеки для чтенія» принадлежатъ прекрасному перу Введенскаго.

Близкое столкновеніе съ людьми не совсемъ обыкновеннаго разбора имѣетъ огромное значеніе въ общественномъ быту, особенно для воспримчивыхъ организацій. Знакомство Введенскаго съ г. С.... было, во многихъ отношеніяхъ, благотворнымъ для молодого человѣка; если онъ не могъ занять у своего перваго достойнаго учителя безусловнаго уваженія къ истинѣ, то могъ усвоить правильную методу и превосходные приемы литературныхъ работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ нравственномъ характерѣ Введенскаго происходить въ это время сильный переломъ. Огненная природа юноши начинаетъ угасать; порывы страстей сдерживаются волей; фантазія покоряется разсудку; практическая жизнь среди эгоистическаго общества, добытая тягостными опытами, даетъ ему нѣсколько новыхъ, отнюдь не ласковыхъ уроковъ, а двадцать седьмой годъ жизни заставляетъ его зорко взглянуть на свое будущее. Однажды, посѣтивъ Смолен-

*

ское кладбище, Введенскій задумался передъ памятникомъ несчастной дѣвицы Кульманъ, и надъ гробомъ преждевременно погибшаго таланта написалъ слѣдующія строки: «Прощай, золотая юность; я не зналъ ни твоихъ радостей, ни восторговъ. Для меня существовало только два періода въ жизни — младенчество и старость. Грустно вспоминать прошедшее, еще грустнѣе подумать о будущемъ. Если жизнь измѣряется силою ощущений, желаній, опытовъ, страданій, я прожилъ не менѣе ста лѣтъ. Сколько благословеній и проклятій я разбросалъ на дорогѣ своего бѣднаго существованія; сколько было стремленій къ добру и славѣ, — и все это брошено даромъ. Прощай, моя юность!»

Что же касается до классныхъ занятій, можно ли сомнѣваться въ блистательныхъ успѣхахъ студента, который могъ съ честію замѣнить редактора журнала. Введенскій, безъ всякаго сомнѣнія, цѣлою головою стоялъ выше своихъ товарищей и въ умственномъ и въ физическомъ отношеніи, а способности и познанія его не всегда могли приходиться по плечу и самого профессора. Университетъ для Введенскаго былъ зданіемъ, черезъ которое онъ долженъ былъ пройти для полученія ученой степени и формальнаго окончанія курса наукъ, на законномъ основаніи. Достаточно указать на одинъ случай, чтобы видѣть, какъ занимался Введенскій въ университетѣ. Однажды, за нѣсколько дней до экзамена, онъ не могъ достать записокъ по предмету исторіи русской литературы, чтобы прослѣдить по нимъ рядъ лекцій, читанныхъ профессоромъ въ продолженіе года; вмѣсто записокъ Введенскій взялъ каталогъ Смирдина, обложилъ себя источниками и, приготовивъ каждый вопросъ съ помощію самостоятельнаго труда, явился на экзаменъ. Сам собою разумѣется, что отвѣты его изумили профессора. Во время Введенскаго студенты обязаны были читать свои разсужденія съ кафедръ. Онъ любилъ эти упражненія, и когда всходилъ на кафедру, аудиторія съ истиннымъ восторгомъ его слушала.

Въ концѣ августа 1842 года Введенскій вышелъ изъ Санктпетербургскаго университета съ правомъ кандидата, по философскому факультету.

Итакъ учебное поприще кончилось для И. И. Введенскаго. Питомецъ пяти различныхъ учебныхъ заведеній, наконецъ на 28

году возраста переступилъ за порогъ школы. Изъ любви къ наукѣ, самой чистой и безкорыстной любви, онъ боролся на каждомъ шагу съ бѣдностью и жертвовалъ здоровьемъ. Наука была путеводною звѣздой всѣхъ его стремленій, надеждъ и мечтаній на пути самыхъ лучшихъ девятнадцати лѣтъ его жизни. Еслибъ И. И. Введенскій и ничего не сдѣлалъ для русской литературы и тогда мы не въ правѣ забыть его благороднаго подвига. Наука требуетъ жертвъ, и тому, кто боится ихъ, она не довѣряетъ своихъ сокровищъ. Нѣсколько недѣль спустя, послѣ окончанія университетскаго курса наукъ, И. И. Введенскій принялъ предложенное ему мѣсто преподавателя русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Съ служебными обязанностями онъ постоянно соединялъ литературную дѣятельность и, не упуская изъ виду одной изъ лучшихъ своихъ надеждъ — занять со временемъ профессорскую кафедру въ университетѣ, готовился, между прочимъ, къ магистерскому экзамену. Труды И. И. Введенскаго были многосложны и утомительны, тѣмъ болѣе, что они рѣдко согласовались съ его душевными желаніями, и онъ не могъ сосредоточить своего вниманія на одномъ предметѣ. Силы молодого человѣка раздроблены были между журналомъ и классомъ, спеціальнымъ изученіемъ латинскаго и греческаго языковъ и составленіемъ записокъ по исторіи литературы для воспитанниковъ корпуса. Вечеромъ, возвращаясь изъ аудиторіи усталый, И. И. Введенскій садился за чтеніе Гомера или Тита Ливія, на другой день поутру бѣжалъ къ покойному редактору К...., къ которому надо было явиться, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ, чтобы получить кой-какое вознагражденіе за свой трудъ, потомъ отправлялся давать урокъ въ частномъ домѣ, откуда переходилъ въ публичную библіотеку для прочтенія необходимой книги, которую не на что было купить, и среди этихъ разнообразныхъ хлопотъ улетали дни за днями. И все это дѣлалось положительно, ради насущнаго куска хлѣба, отъ котораго И. И. Введенскій долженъ былъ удѣлять нѣсколько крохъ своей бѣдной матери. Многихъ безсонныхъ ночей, многихъ заботъ стоилъ ему этотъ насущный кусокъ хлѣба.

Среди непрерывныхъ занятій, одинокая жизнь, отчужденіе отъ общества иногда

омрачали его душу скукой и несамодовольствомъ. «Наконецъ окончилъ я, пишетъ онъ, курсъ наукъ въ университетѣ; но какую пользу принесло мнѣ это университетское образованіе и несчастная кандидатская степень? Правда, я сдѣлался ученѣе и въ нѣкоторыхъ вещахъ даже слишкомъ ученымъ: но что мнѣ въ этой мертвой эрудиціи, когда я не могу сдѣлать изъ нея никакого употребленія для жизни. Что мнѣ въ ней, когда въ обществѣ, во всякомъ безъ исключенія обществѣ, я становлюсь какимъ-то страннымъ существомъ, безъ ума, безъ мысли и даже безъ языка? Прежде, я по крайней мѣрѣ, принадлежалъ къ извѣстному сословію и могъ занимать въ немъ свое мѣсто, а теперь, удаленный отъ всего свѣта, исключившій себя изъ всѣхъ обществъ, я сталъ особнякомъ, которому нѣтъ названія на человѣческомъ языкѣ. Точно, продолженіе ученыхъ занятій могло бы развѣтвить остатокъ моей жизни, но судьба не оставила мнѣ и этого утѣшенія, я не могу располагать ни временемъ, ни своими способностями.... Среди вѣчнаго движенія милліона людей, я живу все равно, какъ въ подземельѣ; ничего не знаю, что дѣлается вокругъ меня, ни въ чемъ не принимаю никакого участія, ничему не радуюсь, но уже ни чѣмъ почти и не печалюсь. Одинъ мертвецъ нравственнѣе меня, и я былъ бы мертвецомъ, если бы еще мысль о магистерскомъ экзаменѣ и потомъ о поѣздкѣ за границу, не придавали мнѣ нѣкоторой энергіи».

Такъ прошли первые два года его существованія, по выходѣ изъ университета. За всѣмъ тѣмъ И. И. Введенскій неутомимо трудился, и кабинетная его жизнь, мало-помалу выясняясь подъ вліяніемъ болѣе благопріятнымъ обстоятельствъ, была столько же богата нравственными явленіями, сколько бѣдна внѣшними событіями *).

Озаренная тихими радостями семейнаго быта (И. И. Введенскій женился въ 1848 году), она перемѣнила свой бурный потокъ въ ясное и безмятежное теченіе, вся замкнулась въ умственныхъ трудахъ. Отъ письменнаго стола И. И. Введенскій переходилъ въ классы; изъ классовъ онъ опять возвращался за письменный столъ. Работая по 15

*) О литературной и педагогической его дѣятельности мы скажемъ послѣ.

часовъ въ сутки, не зная свѣта и его шумныхъ удовольствій, труженникъ позволялъ себѣ единственный досугъ, единственное развлеченіе — видѣть у себя друзей одинъ разъ въ недѣлю. Въ лѣтнее время, свободное отъ служебныхъ должностей, онъ принималъ путешествія для поправленія своего здоровья. Но гдѣ бы онъ ни былъ, наука повсюду ему сопутствовала: отправлялся ли онъ въ Ревель, Шекспиръ былъ безотлучнымъ его собесѣдникомъ; находился ли онъ въ Гельсингфорсѣ, шведскій языкъ былъ предметомъ его изученія; уѣзжалъ ли онъ въ Саратовъ на свиданіе съ матерью, онъ вездѣ неизмѣнно былъ преданъ своему дѣлу. Вотъ какъ онъ провелъ почти цѣлое лѣто на родинѣ: «Утро! день прекрасный, пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей, г. К., густой лѣсъ и среди его пчельникъ, отгороженный частоколомъ. Среди пчельника шалапъ, защищенный соломой. Черноземный грунтъ шалаша усыпанъ свѣжимъ пескомъ. Среди шалаша поставленъ простой столикъ, а за этимъ столомъ я работаю (въ это время онъ переводилъ *Vicar of Wakefield*, съ англійскаго, изданный Гердомъ въ искаженномъ видѣ). Въ двухъ шагахъ отъ меня досчатая кровать, устланная только что скошеннымъ сѣномъ. Вокругъ меня, со всѣхъ сторонъ, раздаются птичьи концерты; работать мнѣ очень весело. Добрая моя мать ни на секунду не сводитъ съ меня глазъ и теперь стоитъ подлѣ меня съ вѣнкомъ въ рукахъ, которымъ прогоняетъ съ моей головы докучливыхъ мошекъ.... Въ Саратовѣ мнѣ наскучили разнаго рода герои, въ родѣ Ноздревыхъ, Собакевичей и, по самой высшей мѣрѣ, Чичиковыхъ; отъ нихъ бѣжалъ я въ безлюдную Грязнуху» (деревня саратовской губерніи; здѣсь жила мать И. И. Введенскаго). Наука была всѣмъ для него. На уваженіи къ ней основывались всѣ его убѣжденія, вѣрованія и житейскія отношенія. Молодые любознательные люди, во имя науки, всегда находили въ немъ друга и покровителя; если онъ замѣчалъ бѣднаго юношу, желающаго образоваться, но не имѣющаго средствъ, онъ готовъ былъ раздѣлить съ нимъ послѣднюю рубашку. Стойкость въ убѣжденіяхъ была для него главнымъ правиломъ въ жизни. Тамъ, гдѣ нужно было сказать правду, явиться защитникомъ добраго дѣла, онъ забывалъ всякіе внѣшніе расчеты и прямо

шелъ къ своей цѣли. Его прямота и рѣзкій тонъ, которымъ онъ, обыкновенно выражалъ свои мнѣнія, производили на многихъ непріятное впечатлѣніе, особенно въ первый разъ; но кто узнавалъ И. И. Введенскаго ближе, тотъ скоро убѣждался, что подъ этой жесткой оболочкой таилось самое нѣжное и теплое сердце. Суровая школа жизни, пройденная И. И. Введенскимъ, повидимому, должна была ожесточить его, вооружить противъ людей, какъ это, дѣйствительно, и бываетъ съ характерами неразвитыми; напротивъ, онъ вынесъ изъ этой школы пламенную любовь къ добру; испытавъ на себѣ много несправедливостей, онъ тѣмъ съ большею силою ненавидѣлъ лицемеріе и ложь. Образование, безъ котораго не можетъ быть прочной нравственности ни въ отдѣльномъ лицѣ, ни въ цѣломъ обществѣ, спасло чистоту его души отъ житейской грязи и зла.

Намъ остается пробѣжать послѣднія, болѣе замѣчательныя событія жизни И. И. Введенскаго.

Въ 1851 году ему представился случай искать университетской каѳедры по предмету русской словесности. Онъ смотрѣлъ на профессорское мѣсто, не какъ на отличіе, но какъ на болѣе вѣрное средство — дать своимъ способностямъ твердую опору и не безъ успѣха работать для науки. Изъ программы, въ которой онъ предначерталъ планъ своихъ будущихъ лекцій, мы видимъ, что И. И. Введенскій возлагалъ на себя громадный трудъ. Его программа была вопіющимъ протестомъ противъ празднословныхъ литературныхъ теорій. Развивая свой предметъ на основаніи историко-критической методы, онъ соприкасался со всѣми важными явленіями литературы иностранныхъ. Отличное знаніе древнихъ и трехъ новѣйшихъ языковъ давало ему возможность выполнить свой трудъ добросовѣстно. За его педагогическія способности ручались девять лѣтъ блистательной службы въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; свидѣтельствомъ его трудолюбія могли служить десять лѣтъ литературной дѣятельности. Желая вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ обрекъ себя на цѣлый годъ самыхъ тяжелыхъ трудовъ. Имѣя 22 учебныхъ часа въ недѣлю, онъ посѣщалъ классы, изучалъ славянскія нарѣчія, составлялъ программу, сдавалъ магистерскій экзаменъ и въ то же время принужденъ былъ рабо-

тать для журнала. Въ началѣ 1852 года, И. И. Введенскій читалъ съ университетской каѳедры три пробныхъ лекціи, которыя сопровождались блистательнымъ успѣхомъ.

И за всѣмъ тѣмъ, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, И. И. Введенскій не получилъ профессорскаго мѣста...

Послѣ горькой неудачи, онъ, какъ будто, потерялъ вѣру въ самого себя и впалъ въ то убійственное бездѣйствіе, которое можетъ быть только слѣдствіемъ слишкомъ тревожнаго состоянія духа и потери одной изъ лучшихъ надеждъ. Но это апатическое состояніе продолжалось не долго.

Въ половинѣ 1852 года его ожидала новая прекрасная дѣятельность. «Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній», возбудило новые вопросы относительно преподаванія русскаго языка и словесности. Уничтожая старое безплодное и совершенно произвольное направленіе, оно требовало для теоріи языка прочной историко-практической основы, которая отвѣчала бы современнымъ условіямъ науки.

Согласно съ этими требованіями составлены были программы, которыя вводили въ преподаваніе новую методу. Столкновеніе старой и новой школы, какъ двухъ противоположныхъ началъ, неизбѣжно вызывало споры и противорѣчія.

И. И. Введенскій, въ числѣ другихъ дѣятелей, былъ призванъ къ соглашенію и уясненію спорныхъ пунктовъ, раздѣлявшихъ мнѣнія преподавателей. Онъ сталъ на сторонѣ новаго направленія, потому что отъ всей души ему сочувствовалъ. Послѣ его замѣчаній, представленныхъ на программу г. Галяхова, основной вопросъ остался въ прежнемъ видѣ; но частныя примѣненія не выдержали строгаго суда. На общихъ совѣщаніяхъ по этому предмету, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ г. начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, И. И. Введенскій энергично отстаивалъ полезное нововведеніе. Позволяемъ себѣ въ настоящемъ случаѣ повторить г. Галяхова: «онъ не только поддержалъ новое направленіе, но, можно сказать, вынесъ на плечахъ».

Вслѣдъ за тѣмъ, И. И. Введенскій былъ назначенъ главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ за преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. «Вотъ когда, говорилъ онъ, пора моей

дѣятельности; теперь мнѣ остается оправдать довѣренность своего добраго начальника».

Дѣйствительно, передъ нимъ открывалась обширная дѣятельность. вмѣстѣ съ обязанностію главнаго наблюдателя ему поручено было составить руководства для военно-учебныхъ заведеній по предмету «теоріи прозы и поэзіи». Желая достойнымъ образомъ выполнить возложенный на него трудъ, онъ прекратилъ литературныя занятія.

Между тѣмъ весной 1853 года И. И. Введенскій предпринялъ путешествіе за границу. Давно онъ мечталъ о путешествіи. Еще въ 1848 году, онъ собирался въ чужіе края; но политическія смуты Франціи удержали его въ отечествѣ. Серьезныя цѣли вели И. И. въ западную Европу: онъ желалъ обогатить себя новыми познаніями, собрать матеріалы для будущихъ работъ, а главное — поправить свое разстроенное здоровье.

Въ первыхъ числахъ іюня онъ былъ уже на берегахъ Германіи и по бельгійскимъ желѣзнымъ дорогамъ, 9 числа того же мѣсяца, прибылъ въ Парижъ. Въ Парижѣ, въ этомъ океанѣ, какъ онъ выражался, всевозможныхъ совершенствъ и мерзостей человѣческихъ, жизнь его была невыносимо скучная. «Печальное и безутѣшное положеніе! пишетъ онъ. Въ первый же вечеръ моего прибытія въ Парижъ я сдѣлался нездоровъ, и мое физическое и нравственное нерасположеніе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ продолжалось почти цѣлыя пять недѣль, въ продолженіе которыхъ я оставался на берегахъ Сены. По цѣлымъ днямъ я не покидалъ постели, испытывая самыя горькія ощущенія, самыя безотрадныя мысли». За всѣмъ тѣмъ, онъ дѣятельно работалъ: собиралъ свѣдѣнія объ общественномъ воспитаніи Франціи, слушалъ лекціи замѣчательныхъ профессоровъ, посѣщалъ національную бібліотеку, осматривалъ зданія и предметы, достойныя вниманія, и съ удовольствіемъ гулялъ по чистымъ и свѣжимъ окрестностямъ Парижа. Изъ столицы Франціи онъ спѣшилъ перѣѣхать въ Лондонъ. Здѣсь онъ былъ совершенно счастливъ. «....Гордъ и недоступенъ Англичанинъ, пишетъ И. И. Введенскій, — свысока онъ смотритъ на иностранца, едва удостоиваетъ его своимъ вниманіемъ; услужливъ и любезенъ Французъ, внимателенъ, предупредителенъ, готовъ всегда на сердеч-

ныя изліянія, довѣрчивъ, ласковъ; при всемъ томъ Англичанинъ лучше Француза, такъ же какъ свѣжій и прохладный Лондонъ лучше грязнаго Парижа. На берегахъ Темзы человѣкъ является истиннымъ богатыремъ, по произволу распоряжается силами природы для собственнаго блага, знаетъ цѣну жизни и умѣетъ окружить ее тысячами наслажденій; здѣсь не выступаетъ на сцену шарлатанство, чтобы играть высокими интересами человѣчества, здѣсь умѣютъ любить и ненавидѣть истинно по человѣчески. Вотъ гдѣ узнаешь наглядно истинное достоинство и колоссальное могущество человѣка. Вотъ гдѣ явственно различаешь разсвѣтъ новой цивилизаціи. Не даромъ Англичанинъ сѣдаетъ въ сутки по восьми фунтовъ и выпиваетъ по четыре бутылки крѣпкаго портеру: это имѣетъ свое важное значеніе.

Въ концѣ августа И. И. Введенскій черезъ Францію и Германію возвратился въ Россію. Увеличивъ массу своихъ наблюденій и расширивъ кругъ свѣдѣній, онъ съ новою любовію и свѣжими силами приступилъ къ дѣятельности. Первымъ дѣломъ его было составленіе руководствъ для военно-учебныхъ заведеній; съ этою цѣлью онъ началъ собирать и приводить въ систему матеріалы, необходимыя для предстоящаго труда, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ классныя занятія. Но едва только стала проясняться жизнь И. И. Введенскаго, судьба приготовила ему непредвидѣнный и рѣшительный ударъ. Зрѣніе И. И. Введенскаго, постепенно ослабѣвая, наконецъ совершенно утасло, на сорокъ первомъ году его жизни. Ничѣмъ незамѣнимая потеря глазъ была для него самымъ тяжелымъ испытаніемъ: перепробовавъ всѣ медицинскія средства, готовый на всѣ пожертвованія и страданія, онъ истощилъ всѣ усилія и наконецъ потерялъ всякую надежду на выздоровленіе. Слепецъ, не видя вокругъ себя природы, которую такъ горячо любилъ, не узнавая своихъ дѣтей, принужденный бороться на каждомъ шагу съ невыгодами своего положенія, онъ глубоко упалъ духомъ. Среди этого тягостнаго состоянія, онъ былъ обязанъ ободреніемъ, благодѣяніями и самымъ искреннимъ участіемъ своему великодушному начальнику, Я. И. Ростовцову. Заранѣе разсчитавшись съ жизнью, страдалецъ печально шелъ къ своей преждевременной могилѣ: единственный лучъ

утѣшенія горѣлъ для него въ семейномъ кругу, въ кругу дѣтей — малютокъ.

И. И. Введенскій умеръ 1855 года 14 іюля. Надъ могилой его ясно слышутся четыре слова: онъ чувствовалъ, мыслить, боролся и страдалъ.

Педагогическіе труды И. И. Введенскаго продолжались двѣнадцать лѣтъ. Онъ былъ преподавателемъ русской словесности почти во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ; но главная его дѣятельность всегда сосредоточивалась въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ: здѣсь онъ ее началъ, здѣсь и окончилъ.

На кафедрѣ И. И. Введенскій являлся во всемъ блескѣ своихъ богатыхъ способностей. Въ немъ съ рѣдкимъ согласіемъ соединялись дарованія, необходимыя для хорошаго преподавателя: любовь къ наукѣ и юношеству, отличная память, быстрое соображеніе ясная и выразительная рѣчь.

Даръ слова, которымъ обладалъ И. И. Введенскій, былъ замѣчательнымъ явленіемъ нравственнаго міра, торжествомъ человѣческой мысли. Сила и образъ, — коренныя достоинства русскаго слова, были отличными чертами его краснорѣчія. Въ каждомъ звукѣ его таилась мысль; каждое выраженіе облекалось въ ясную и живую форму. Соприкасался ли онъ въ своихъ лекціяхъ съ отвлеченнымъ понятіемъ или историческимъ фактомъ, въ душѣ его идея оживала и, переходя во внѣшній міръ, являлась отчетливо-обрисованной картиной. Иначе искусный педагогъ и не можетъ дѣйствовать: косность и мертвенность въ языкѣ учителя губятъ юношескія способности, во всемъ любящія жизнь, и превращаютъ аудиторію въ театръ болѣе или менѣе пріятныхъ сновидѣній, но не полезнаго ученія. Притомъ въ преподаваніи И. И. Введенскаго, строгое логическое развитіе мыслей, среди которыхъ ни на одну минуту не терялась основная нить разсказа, сообщало его рѣчи силу неотразимаго убѣжденія.

Метода его была плодомъ долговременной опытности и обширныхъ познаній. И. И. Введенскій съ раннихъ юношескихъ лѣтъ сталъ знакомиться съ педагогическими приѣмами.

Прежде чѣмъ выступилъ на служебное поприще, онъ десять лѣтъ преподавалъ въ частныхъ домахъ; переходя отъ аристократическаго дома къ бѣдному семейству, встрѣчая на пути своихъ учительскихъ обязанностей дѣтей разныхъ сословій, всевозможныхъ возрастовъ и способностей, онъ могъ запастись множествомъ практическихъ наблюденій, безъ которыхъ никакая теорія и ни одинъ хорошій педагогъ не могутъ обойтись. Притомъ И. И. Введенскій самъ пробылъ около двадцати лѣтъ на школьной скамьѣ, и слѣдовательно имѣлъ случай убѣдиться на опытѣ, какъ можно вредить развитію умственныхъ способностей схоластическая рутина. Поэтому онъ глубоко сознавалъ, что наука и жизнь не должны быть отрываемы другъ отъ друга, ни гдѣ, тѣмъ болѣе на кафедрѣ. Избѣгая праздной игры въ отвлеченные звуки, онъ сообщалъ своимъ лекціямъ историческій способъ изложенія. Раскрывая явленія, нашей умственной жизни въ связи съ явленіями литературъ европейскихъ, онъ тѣмъ самымъ спасалъ свою науку отъ произвольныхъ мнѣній и шаткихъ результатовъ.

Наконецъ онъ любилъ свое призваніе, дорожилъ имъ, какъ только можетъ дорожить человѣкъ, понимающій всю важность юношескаго образованія. Аудиторія была для него не мастерскою ремесленника, но мѣстомъ истиннаго вдохновенія. Онъ входилъ въ нее съ полнымъ убѣжденіемъ, что юноши, оставившіе родительскій домъ, отдавшіе лучшіе года жизни ученію, въ правѣ ожидать отъ своего наставника знанія полезнаго; съ этимъ знаніемъ многіе изъ нихъ прямо изъ школы выступаютъ на служебное поприще и слѣдовательно всякую благую мысль внесутъ въ общество, передадутъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Послѣ нѣкоторыхъ лекцій, прочитанныхъ съ особеннымъ одушевленіемъ, И. И. Введенскій возвращался домой полу-больнымъ, съ потрясенною грудью. Нѣкоторыя чтенія стоили ему, на его скромной кафедрѣ, такого серьезнаго приготовленія, какое долженъ принимать на себя только профессоръ университета.

Но нигдѣ и ни въ чемъ такъ могущественно не выражался его духъ, какъ въ умѣнны пробуждать въ юношахъ любознательность и уваженіе къ труду. Въ этомъ отношеніи вліяніе его на массу воспитанниковъ было

самое дѣйствительное. Они дорожили его мнѣніемъ и всегда и вездѣ учились у него превосходно; обращались къ нему за совѣтами и ожидали отъ него одобренія, какъ лучшей своей награды; И. И. Введенскій съ особеннымъ удовольствіемъ подавалъ своимъ ученикамъ и совѣтъ и руку помощи. Для нихъ была открыта его библіотека и домъ. Многіе молодые люди, уже давно оставившіе школу, изъ далекихъ сторонъ, выражали въ письмахъ чувство признательности къ своему наставнику и просили его принять участіе въ ихъ дальнѣйшемъ образованіи. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма одного молодого офицера г. К. М...., вышедшаго изъ дворянскаго полка и жившаго въ Усть-Лабинскомъ укрѣпленіи: «Почтеннѣйшій Иринархъ Ивановичъ! Давно я оставилъ Петербургъ и дворянскій полкъ и живу теперь въ глуши, въ такомъ захолустьи, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни общества. Часто и очень часто вспоминаю то счастливое время, когда бывало приходите вы въ тотъ классъ, гдѣ я занималъ скромное мѣсто. Читаете ли вы лекцію, разбираете ли содержаніе какого нибудь сочиненія, я всегда заслушивался увлекательной вашей бесѣды съ нами; минуты казались мгновеніями и какъ ни долго тянутся иногда 1½ часа, съ вами эти 1½ часа проходили очень быстро.

Признаюсь откровенно, ужъ пять лѣтъ прошло, а я и до сихъ поръ съ величайшимъ удовольствіемъ перечитываю ваши записки. Лекціи ваши перевоспитали меня. Благодаря имъ я бросилъ читать романы, полюбилъ отечественную словесность и сталъ цѣнить образованіе. За то мы никого изъ своихъ преподавателей такъ не любили, такъ безконечно не уважали, какъ васъ; да и нельзя васъ не любить! Никогда не забуду вашей послѣдней лекціи, на которой вы, обратившись къ намъ, сказали: «помните, господа, что безъ образованія, нельзя искренно любить своего отечества и быть полезнымъ членомъ общества». На каждомъ шагу чувствую справедливость этихъ словъ».

Въ этомъ взаимномъ сочувствіи между наставникомъ и его воспитанниками, въ этомъ общемъ стремленіи къ одной благородной цѣли скрывается лучшій залогъ педагогическихъ успѣховъ. На каждаго представляетъ науку преподаватель. Его нравственное достоинство служитъ самымъ проч-

нымъ ручательствомъ за тѣ истины, которыя онъ сообщаетъ своей аудиторіи. Природа не выпускаетъ изъ своихъ рукъ ничего безнравственнаго и злаго: юноши всегда способны любить и уважать и предметъ своего ученія и того наставника, который не даромъ стоитъ на пути ихъ умственнаго развитія. И. И. Введенскій глубоко былъ уважаемъ и любимъ своими учениками. Отраднo было видѣть, съ какимъ восторгомъ они стекались въ его аудиторію, и когда онъ потерялъ зрѣніе, съ какой предупредительностію они являлись на помощь къ бѣдному слѣпцу, принимали и провожали его изъ классовъ; искренно сочувствуя его несчастью, и какъ бы желая утѣшить его своими успѣхами, въ послѣднее время они особенно ревностно занимались по его предмету и такъ блистательно отвѣчали на экзаменахъ, что онъ нерѣдко со слезами на глазахъ переступалъ за порогъ класса.

Въ послѣдніе два года своей жизни И. И. Введенскій вмѣстѣ съ педагогической дѣятельностью соединялъ обязанность главнаго наблюдателя за преподаваніемъ русскаго языка и словесности.

Первымъ дѣломъ его на поприщѣ новаго назначенія было окончательное приведеніе въ стройную систему новыхъ программъ, составленныхъ для военно-учебныхъ заведеній по предмету русскаго языка и словесности. Принимая въ этомъ дѣлѣ живое участіе, И. И. Введенскій дѣйствовалъ на основаніи общихъ соображеній съ гг. Галаховымъ и Буслаевымъ. Главное стремленіе ихъ состояло въ томъ, чтобы, удовлетворяя требованіямъ «наставленія для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ», положить въ основу преподаванія новую методику, которая бы въ одно и то же время избавила отечественную словесность отъ схоластическихъ устарѣлыхъ началъ и устранила одинъ разъ и на всегда произвольныя умозрѣнія въ дѣлѣ науки. Нѣтъ сомнѣнія, что идея этого нововведенія въ области педагогической дѣятельности не могла возникнуть вдругъ во всей полнотѣ и со всѣми подробностями, доведенными до систематическаго развитія; она неизбежно должна была пройти цѣлый рядъ попытокъ и довольно шаткихъ объясненій; но выясняясь болѣе и болѣе, подъ непосредственнымъ вліяніемъ И. И. Введенскаго, окончательно выразилась въ историко-

практическомъ направленіи. Онъ надѣялся осуществить свою мысль и дать твердую опору новому направленію въ руководствахъ, къ составленію которыхъ онъ уже приступилъ; но слѣпота отняла у него возможность продолжать работу. И когда ему говорили, почему онъ не составляетъ учебниковъ съ помощію чужихъ глазъ, онъ отвѣчалъ: «Я сорокъ лѣтъ бѣдствовалъ честно: теперь не хочу блаженствовать безчестно». На долю его приходился громаднѣйшій трудъ — «теорія прозы и поэзіи» въ ея историческомъ развитіи. Планъ его труда требовалъ отъ него, кромѣ заготовленныхъ матеріаловъ, разработки новыхъ источниковъ по крайней мѣрѣ на пяти иностранныхъ языкахъ. Притомъ новое положеніе, на основаніи котораго онъ создавалъ руководства, возлагала на него отвѣтственность передъ судомъ науки. Понятно, почему въ настоящемъ случаѣ никакая чужая помощь не могла замѣнить ему потеряннаго зрѣнія. Остается отъ всей души желать, чтобы дѣло, такъ прекрасно начатое, на нашло себѣ достойнаго исполнителя. Старыя руководства наши учатъ насъ словамъ, но не мыслямъ....

Мы не въ состояніи показать другихъ отраслей педагогической дѣятельности, И. И. Введенскаго, но смѣемъ увѣрить, что онъ трудился всегда и вездѣ съ одинаковой любовью, которая одушевляла его на всѣхъ стезяхъ жизни.

Милостивый Монархъ почтилъ Своимъ высокимъ вниманіемъ заслуги честнаго и образованнаго труженика и обезпечилъ судьбу оставленнаго имъ безъ всякихъ средствъ бѣднаго семейства.

Независимо отъ педагогическихъ занятій, Введенскій усердно работалъ для литературы, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ и только, съ потерей зрѣнія, положилъ перо. Съ 1841 до 1853 включительно, онъ написалъ двадцать четыре критическихъ разбора, пять самостоятельно разработанныхъ статей и перевелъ восемь первоклассныхъ романовъ съ англійскаго языка. Въ общемъ итогѣ, литературный его капиталъ, по объему своему, доходитъ до шести сотъ печатныхъ листовъ. Впрочемъ эта цифра далеко не обнимаетъ всего, что было написано Введенскимъ. Множество переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго языка и мелкія рецензіи, разбросанныя по разнымъ журналамъ, безъ под-

писи его имени, не вошли въ этотъ перечень *).

Предѣлы настоящаго очерка не позволяютъ намъ войти въ подробное разсмотрѣніе произведеній Введенскаго; мы ограни-

*) Критическія статьи Введенскаго, напечатанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, идутъ въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: 1. «Записки о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», Котошихина (Библіотека для чтенія. 1841 г.). 2. «Эленшлегеръ» (Сынъ отечества. 1841 г.). 3. *Historica Russiae monumenta*, А. И. Тургенева (Библіот. для чтенія. 1842). 4. «Акты историческіе», собранные и изданные Археологическою Коммиссіею (тамъ же. 1842). 5. «Описаніе Олонецкой губерніи», Дашкова (тамъ же. 1842). 6. «Опытъ гражданской медицинской полиціи», К. Гелинга (тамъ же. 1842). 7. «Сказанія князя Андрея Курбскаго», издан. Устрялова (тамъ же). 8. «*Outlines of english literature*», by Th. Shaw (тамъ же. 1847). 9. «Очеркъ исторіи русской поэзіи», А. Милюковъ (Современникъ. 1847). 10. «Новые толки о греческомъ эпосѣ» (Библіотека для чтенія. 1847). 11. «Учебникъ русскаго языка», А. Смирнова (Отечественныя записки. 1848). 12. «Объ особенностяхъ языка русскаго», К. Зеленецкаго (тамъ же). 13. «Альціона, учено-литературный сборникъ», Зеленецкаго (тамъ же). 14. «Два адмирала», романъ Фенимора Купера (тамъ же). 15. Книга для чтеній и упражненій въ словесности (тамъ же). 16. «Судьбы церковно-славянскаго языка», П. Биларскаго (Отечеств. Записки. 1849). 17. «Уроки англійскаго языка», И. Гасфелда (тамъ же). 18. «О публичныхъ курсахъ англійскаго языка, Гасфелда и Турнерелли (тамъ же). 19. «*The history of Egypt from the earliest times till the conquest by the Arabs*», by S. Sharpe (тамъ же). 20. «*Narrative of events in Borneo and Celebes*», by captain Rodney Mundy (тамъ же). 21. «*Narrative of the voyage of H. M. S. Samarang during the years 1843—1846*, by captain Be-leher (тамъ же). 22. *The correspondence of Horace Walpole with the countess of Ossori* (Современникъ. 1849). 23. «О переводахъ Теккереева романа *Vanity Fair*», письмо къ редактору Отечеств. Записокъ (Отечеств. Зап. 1851). 24. «Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи», Тулова (тамъ же. 1853 г.).

Оригинальныя статьи: 1. «Юанна изъ Арка» (Библіот. для чтенія. 1842). 2. «Царь Василій Шуйскій» (неизвѣстно, гдѣ напечатана). 3. «Теккеры и его романы» (Отечеств. Записки. 1849). 4. «Державинъ» (Сѣверное Обозрѣніе. 1849). 5. «Тредьяковскій» (тамъ же. 1849).

Переводы: 1. «Элевзинскія тайны», съ франц. С. С. Уварова (Современн. 1847). 2. «Первый русскій пансіонъ», съ нѣм. изъ автобіографіи А. Шлегера (Библіот. для чтенія. 1847). 3. «Домби и сынъ», романъ Диккенса (Современн. 1848). 4. «Дирслейеръ», ром. Ф. Купера (Отечеств. Записки. 1848). 5. «Договоръ съ привидѣніемъ», пов. Диккенса (тамъ же. 1849). 6. «Дженни Эйръ», ром. Корреръ-Белла (тамъ же). 7. «Базаръ житейской суеты», ром. Тек-

чимся однимъ общимъ взглядомъ на его разнообразныя труды.

Критическая дѣятельность Введенскаго развивалась наряду съ его специальными учеными занятіями. Первоначальныя рецензіи его, помѣщенныя въ «Библіотекѣ для чтенія», не имѣли и не могли имѣть самостоятельнаго характера; потому что неопытный сотрудникъ журнала находился въ совершенной зависимости отъ полномочнаго редактора, нещадившаго ни чьихъ авторитетовъ въ своихъ своевольныхъ передѣлкахъ и прибавленіяхъ. Притомъ молодыхъ силъ Введенскаго, при всей ихъ здоровой организаціи, еще недоставало на то, чтобы избрать опредѣленное направленіе и вѣрно его держаться. Съ любовью къ труду, онъ готовъ былъ трудиться надъ всѣмъ, что ни попадалось ему подъ руку; историческія, статистическія и медицинскія сочиненія безразлично подвергались его критической оцѣнкѣ. За всѣмъ тѣмъ, рецензіи его отличаются рѣдкою добросовѣстностью и свѣтлымъ взглядомъ на вещи. Обходя общія мѣста, какъ совершенно бесполезныя въ дѣлѣ науки и уважая фактическое достоинство мысли, критикъ никогда не выражаетъ своихъ мнѣній безъ достаточнаго основанія. Многотомныя сочиненія онъ внимательно перечитывалъ, и сквозь массу мертвыхъ матеріаловъ старался свѣтитъ своей собственной идеей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ обратиться къ разбору «Сказаній Андрея Кубскаго»: изложивъ біографію прославленнаго измѣнника и содержаніе его книги, Введенскій превосходно перевелъ на современный языкъ болѣе замѣчательныя мѣста изъ переписки князя Ковельскаго съ Іоанномъ Грознымъ. Съ такою же основательностію разобраны «Записки» Котошихина, изъ которыхъ нѣсколько главъ, съ небольшими пропусками, переведены вполне. Если станемъ судить о первыхъ литературныхъ опы-

керей (Отечеств. Записки. 1850). 8. «Замогильныя записки Пиквикскаго клуба», ром. Диккенса (тамъ же). 9. Давидъ Копперфильдъ, ром. Диккенса (тамъ же. 1851). «Опекунъ», ром. Каролины Нортонъ (тамъ же. 1852).

Примѣч. Кромѣ того, послѣ покойнаго остались переводныя рукописи: «Политическая экономія» Шторха и романъ «Манонъ Леско», много начатыхъ, но неоконченныхъ статей, и между прочимъ переводъ введенія къ «Ueber die Kawi-Sprache», Гумбольдта.

тахъ Введенскаго сравнительно, то нетрудно доказать, что его рецензіи стоятъ неизмѣримо выше очень многихъ критическихъ статей, которыя «Библіотека для чтенія», черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ, предлагала своимъ великодушнымъ читателямъ.

Съ 1843 года, прекративъ на время критическую дѣятельность, Введенскій, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, усидчиво занимался изученіемъ англійской литературы и дополненіемъ своихъ свѣдѣній по предмету исторіи русской и древне-классической словесности. Плодомъ его кабинетныхъ трудовъ былъ новый рядъ критическихъ разборовъ. Когда кругозоръ его свѣдѣній расширился и силы окрѣпли подъ вліяніемъ самостоятельныхъ работъ, Введенскій ясно выразилъ въ своихъ воззрѣніяхъ опредѣленное направленіе. Разбирая филологическія сочиненія, онъ, какъ ученикъ покойнаго почтеннаго Прейса и послѣдователь трудолюбиваго А. Х. Востокова, строго держался историко-генетической методы. Убѣжденный въ существенной необходимости исторической грамматики, безъ которой современная теорія русскаго языка никогда не освободится отъ своихъ мечтательныхъ положеній и не усвоитъ правильную систематическую форму, Введенскій строго судилъ произвольныя правила нашихъ грамматическихъ учебниковъ. Правда, приговоры его были рѣзкіе, но они всегда подтверждались доказательствами. Если онъ, рассматривая рѣчь г. Зеленецкаго «объ особенностяхъ языка русскаго», называлъ ее жалкой компиляціей, если онъ не находилъ въ рѣчи одесскаго профессора ни одной основательной мысли, и двухъ выраженій, логически связанныхъ между собой, то Введенскій имѣлъ на то полное основаніе. При разборѣ англійскихъ уроковъ г. Гасфельда, онъ объяснилъ отличительныя свойства превосходной методы Робертсона, сравнилъ ее съ уроками г. Гасфельда. Путемъ этого сравненія, онъ дошелъ до справедливаго результата, что г. Гасфельдъ искалгъ и обезобразилъ гениальную методу Робертсона и въ то же время обнаружилъ совершенное отсутствіе теоретическаго знанія англійскаго языка. Въ защиту г. Гасфельда подалъ голосъ г. Булгаринъ; какъ обыкновенно, онъ защищалъ всякую литературную неправду; Введенскій, отвѣчая на замѣчаніе редактора «Сѣверной Пчелы», подтвердилъ

*

свое мнѣніе новыми доказательствами. (Отечеств. Записки 1848 и 1849 г.) Но если критика Введенскаго не умѣла потворствовать слабоумію и шарлатанству, то она искренно сочувствовала отраднымъ явленіямъ нашей науки....

Изъ статей, самостоятельно-разработанныхъ Введенскимъ, особенное вниманіе обращаютъ на себя «Державинъ» и «Тредьяковский». Эти статьи, собственно, составляютъ отрывки изъ курса «исторіи русской литературы», составленнаго имъ для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній.

Не смотря на бѣглый обзоръ поэтической дѣятельности Державина, Введенскій бросилъ меткій взглядъ на пѣвца «Фелицы», и ясно опредѣлилъ его истинное значеніе. Главная мысль этой статьи можетъ быть выражена такъ: «Державинъ поэтъ Екатерины II; ея любви къ просвѣщенію онъ обязанъ своимъ творчествомъ и славой». Изъ отдѣльныхъ монографій о Державинѣ, статья Введенскаго по нашему мнѣнію самая лучшая. Главное ея достоинство заключается въ живомъ изложеніи и прекрасномъ слогѣ, какимъ рѣдко говоритъ русская проза. Надобно замѣтить, что Введенскій вообще дорожилъ литературной формой: онъ не разрывалъ связи между мыслию и словомъ, необходимой и законной связи въ литературныхъ произведеніяхъ. Неряшество въ языкѣ и мертвящее косноязычіе были противны его эстетическому чувству, какъ признаки бездарности и невѣжества.

Въ разсужденіи о Тредьяковскомъ, Введенскій первый рѣшился защищать почтеннаго труженика, преданнаго несправедливому униженію. Болѣе полувѣка наша критика безотчетно глумится надъ переводчикомъ «Телемака»; не принявъ на себя труда прослѣдить сочиненія Тредьяковскаго, оцѣнить его академическую и литературную дѣятельность, раскрыть его недостатки, она, между тѣмъ, огласила его имя, какъ предметъ язвительныхъ насмѣшекъ на языкѣ школьника и учителя, въ кругу свѣтскаго и ученаго общества. Введенскій, возвращая неотъемлемую дань уваженія первому русскому профессору, переноситъ на него новую точку зрѣнія. «Критики» и теоріи словесности, говоритъ онъ, издѣваясь надъ его (Тредьяковскаго) бездарностію, *присвоили себѣ какое-то странное право судить о немъ, какъ о пи-*

сателѣ современнома, и въ этомъ заключается коренная причина или неумолимо-строгий приговоръ. Всего чаще обвиняютъ Тредьяковскаго за его языкъ, будто бы въ высшей степени неправильный и неуклюжій; но предположивъ даже основательность этого обвиненія, мы позволимъ себѣ спросить: могъ ли онъ въ то время, когда жилъ, и при обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его воспитаніе, выражаться языкомъ изящнымъ, чисто-русскимъ. Уроженецъ города (Астрахани), наполненнаго разнообразною смѣсью племенъ и поколѣній, онъ едва ли могъ получить отъ природы инстинктъ русскаго языка, и притомъ если бы даже твердо былъ въ немъ укорененъ этотъ инстинктъ, онъ неизбѣжно долженъ былъ исказить его въ славяно-греко-латинской школѣ, гдѣ не обращалось ни малѣйшаго вниманія на изученіе русскаго языка. Студентъ Кіева и Москвы былъ даже обязанъ, однимъ изъ пунктовъ академическаго устава, говорить и писать не иначе, какъ по-латини; ему строго запрещалось выражать свои мысли *живою молвою*. Предметы, входившіе въ составъ изученія, преподавались тоже на варварскомъ латинскомъ языкѣ среднихъ вѣковъ, и этотъ же языкъ долженъ былъ служить органами поэзіи и краснорѣчія.... Всего этого конечно было достаточно для того, чтобы молодой человѣкъ, по окончаніи полнаго курса наукъ, утратилъ въ себѣ окончательно чувство материнскаго языка. Далѣе Введенскій доказываетъ, что первая мысль о русскомъ стихосложеніи принадлежитъ Тредьяковскому, который десятью годами предупредилъ въ этомъ дѣлѣ Ломоносова. Наконецъ перечисливъ произведенія Тредьяковскаго, авторъ заключаетъ свою статью такъ: «Да, онъ былъ труженикъ неутомимый, добросовѣстный, полезный въ самой высокой степени, труженикъ въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Онъ любилъ науку безкорыстно, съ полнымъ самоотверженіемъ и трудился для нея безъ всякихъ внѣшнихъ интересовъ; 660 рублей годоваго жалованья служили единственнымъ вознагражденіемъ за его неутомимые труды». (Сѣверное Обозрѣніе 1849 г.).

Въ основаніи этого воззрѣнія, очевидно, лежитъ историко-критическое начало, единственно-возможное и вѣрное начало въ изслѣдованіи отжившихъ писателей и литератур-

ныхъ эпохъ. Статья Введенскаго тѣмъ замѣчательнѣе, что она систематически развиваетъ это начало въ ту пору, когда о немъ существовали у насъ только одни темные намеки, когда эстетическая критика, избравъ себѣ нѣсколько привилегированныхъ лицъ, готова была безъ разбора плевать на честныя могилы «старыхъ авторитетовъ». Мы увѣрены, что защита Тредьяковского, такъ блистательно начатая, найдетъ своего продолжателя....

Переходимъ къ послѣдней и самой обширной дѣятельности Введенскаго, къ его переводамъ съ англійскаго языка. Какъ переводчику англійскихъ романовъ, ему принадлежитъ неоспоримо первое мѣсто въ числѣ прежнихъ и настоящихъ дѣятелей. Русская литература въ первый разъ приняла гениальнаго Диккенса, въ его настоящемъ видѣ, изъ рукъ Введенскаго, и англійская повѣсть только съ появленіемъ его переводовъ обратила на себя общее вниманіе публики. Успѣхъ этихъ переводовъ, не смотря на противодѣйствіе журнальной критики, былъ огромный: образованные читатели всѣхъ сословій встрѣтили ихъ съ единодушнымъ восторгомъ; ими восхищались съ одинаковымъ увлеченіемъ и юноша и старикъ, и дѣловой и свѣтскій человѣкъ, всѣ, кому доступно пониманіе обаятельнаго русскаго слова и сочувствіе мощному британскому гению. Восемь лѣтъ прошло съ того времени, когда явился первый переводъ Введенскаго «Домби и сынъ»; но кто же не помнитъ лучшихъ страницъ этого романа? Кто можетъ забыть потрясающія сцены смерти Павла и глубокой тоски Домби, лишеннаго имущества и горюющаго въ своемъ опустѣломъ домѣ? Кто не плакалъ надъ послѣдними страницами «Опекуна», страданіями Эленоры, такъ художественно и вдохновенно переданными Введенскимъ?

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что этотъ успѣхъ не былъ дѣломъ случая, что часто бываетъ съ литературными извѣстностями, обязанными своей славой предразсудку или колокольному явону пристрастной критики, нѣтъ, этотъ достойный успѣхъ былъ результатомъ таланта и долговременныхъ приготовительныхъ трудовъ. Ламартинъ замѣтилъ: «De tous les livres à faire, le plus difficile à mon avis, c'est une traduction» — и это совершенно справедливо, что доказывается, между прочимъ, недостаткомъ

хорошихъ переводовъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и въ особенности въ нашей литературѣ, гдѣ укоренилось странное убѣжденіе, что будто всякое грамотное существо можетъ безнаказанно ломать и выворачивать наизнанку чужаго гениальнаго писателя.

Введенскій зналъ цѣну своему труду. Приступая къ нему, онъ запасся всѣми средствами, необходимыми таланту для того, чтобы съ честію выполнить предпринятую имъ работу. Прежде нежели онъ взялся за Диккенса, одного изъ самыхъ народныхъ авторовъ, слѣдовательно самыхъ трудныхъ для воспроизведенія на чужомъ языкѣ, Введенскій коротко познакомился вообще съ духомъ англійской литературы, полюбилъ ее до страсти и постоянно слѣдилъ за ея современными явленіями. Поэтому для него Диккенсъ и Теккерей не были отдѣльными личностями, не имѣющими никакой связи съ національною ихъ жизнію и общимъ характеромъ британскаго образованія; они были для него не мертвой буквой, какъ для большей части нашихъ переводчиковъ, а живымъ выраженіемъ англійскаго языка и литературы. Притомъ переводчикъ долженъ сочувствовать своему оригиналу, имѣть съ нимъ, такъ сказать, нѣкоторую долю нравственной симпатіи и не отстоять отъ него на неизмѣримомъ разстояніи по своей умственной организаціи и степени образованности; иначе борьба пигмея съ великаномъ всегда окончится пораженіемъ карлика, что мы и видимъ почти на всѣхъ переводчикахъ Шекспира и В. Скотта. Но это сочувствіе можетъ быть только плодомъ основательнаго и всесторонняго изученія всего, что привязываетъ насъ къ той или другой литературѣ, къ тому или другому писателю. Кромѣ того, Введенскій совершенно владѣлъ своимъ роднымъ языкомъ. Этотъ языкъ былъ его младенческимъ лепетомъ, не обезображеннымъ обыкновенною «смѣсью нижегородскаго нарѣчія съ французскимъ»; на двѣнадцатомъ году возраста, Введенскій увлекается Карамзинымъ и не отстаётъ отъ него до тѣхъ поръ, пока въ юношѣ не образовалось чувство слога. Впослѣдствіи времени, какъ добросовѣстный преподаватель русской словесности, онъ изучалъ историческіе акты, пѣсни, пословицы, все что сохранило на себѣ отпечатокъ творческой силы нашего слова. И всѣ эти разнообразныя

элементы слились въ одну живую и выразительную рѣчь, подъ вліяніемъ сильнаго природнаго дарованія и яснаго мозга. Наконецъ самый процессъ работы былъ усвоенъ Введенскимъ гораздо раньше, чѣмъ онъ раскрылъ первую англійскую повѣсть; десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ постоянно переводилъ съ французскаго и нѣмецкаго языка.

Методу своихъ переводовъ Введенскій самъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «При художественномъ возсозданіи писателя даровитый переводчикъ прежде и главнѣе всего обращаетъ вниманіе на духъ этого писателя, сущность его идей и потомъ на соотвѣтствующій образъ этихъ идей. Сбираясь перевидѣть, вы должны вчитаться въ своего автора, вдуматься въ него, жить его идеями, мыслить его умомъ, чувствовать его сердцемъ и отказаться на это время отъ своего индивидуальнаго образа мыслей. Перенесите этого писателя подъ то небо, подъ которымъ вы дышите, и въ то общество, среди котораго вы развиваетесь, перенесите и предложите себѣ вопросъ: «какую бы форму онъ сообщилъ своимъ идеямъ, если бы жилъ и дѣйствовалъ при одинаковыхъ съ вами обстоятельствахъ?» Это дѣло не легкое и не каждый въ состояніи представить себѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. (Отеч. Записки. 1851 г. О переводахъ Теккерева романа: *Vanity Fair*).

При такихъ и только при такихъ условіяхъ можно вступать въ состязаніе съ классическими писателями Англіи: они въ высшей степени оригинальны. Введенскій не влячился работѣю за своими образцами; онъ пересоздалъ ихъ и нерѣдко становился выше оригинала, такъ напримѣръ, переводъ «Дженни Эйръ», самый мастерской изъ переводовъ Введенскаго, гораздо лучше подлинника. Каждая личность въ его переводахъ удерживаетъ свои отличительныя чер-

ты. Начиная отъ Уэллера, лакея Пикквика, и до лорда Стефена, отъ гувернантки Ребекки и до индійскаго набоба Джозефа, каждый герой является передъ русскимъ читателемъ съ своей собственной фizioноміей. Адвокатъ, свѣтскій повѣса, аристократъ и простолюдинъ, всѣ выражаются своимъ собственнымъ говоромъ, котораго самые неуловимые отѣнки, легко ускользающіе отъ обыкновеннаго вниманія, ярко переданы Введенскимъ на русскій языкъ. Притомъ во всѣхъ патетическихъ сценахъ видимо участвовала душа самого переводчика.

Между прочимъ критика «Современника» обвиняла сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» за употребленіе простонародныхъ выраженій. Можетъ быть это обвиненіе и имѣло бы какой нибудь смыслъ, если бы тотъ же самый «Современникъ» не повторялъ на своихъ листахъ переводовъ Введенскаго и не заимствовалъ изъ нихъ, безъ всякой церемоніи, цѣлыя тирады, принадлежащія собственной фантазіи переводчика, желавшаго спасти болѣе интересныя мѣста отъ литературной расправы. (Отеч. Зап. 1851 г.) Общественное мнѣніе судило иначе, и мы доселѣ не имѣемъ достойнаго преемника Введенскому.

Вотъ на чемъ прекратилась литературная дѣятельность Введенскаго. Конечно, отъ его силъ и пламенной любви къ наукѣ можно было ожидать большаго. Но мы видѣли, при какихъ обстоятельствахъ происходило его первоначальное развитіе, какая ожесточенная борьба съ жизнью была его удѣломъ. И за всѣмъ тѣмъ онъ не отступилъ отъ своего благороднаго поприща; онъ сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать честный человѣкъ и даровитый писатель.

Г. Благовѣстловъ.

КЪ ПОРТРЕТУ И. И. ВВЕДЕНСКАГО.

Всегда окруженъ клеветою,
Съ интригою вѣчно въ борьбѣ —
Не палъ онъ могучей душою

И вѣренъ остался себѣ;
Продать не хотѣлъ убѣжденій,
Интригами мѣстъ не искалъ

И рядъ молодыхъ поколѣній
На службу добру воспиталъ.
И слово его не остыло
Но плодъ и до нынѣ даетъ,
И юность слѣпца полюбила
И память его бережетъ....
Да будетъ же ликъ твой упрекомъ
Твоимъ малодушнымъ врагамъ,
А жизнь твоя будетъ урокомъ,
Живымъ и спасительнымъ намъ,
И въ насъ ослабѣвшія силы

Примѣръ твой благой подкрѣпить;
И тѣнь твоя, вставъ изъ могилы,
Предъ нами какъ вождь полетитъ,
Когда, попирая преданья
И къ цѣли стремяся святой,
Во имя искусства и знанья
Мы вступимъ съ невѣжествомъ въ бой.

Н. И. Шенюкъ,
одинъ изъ учениковъ Н. И. Введенскаго.

20 марта 1857 г.

63642656

25K

0-20

114

6364 2656

